

Виктор Точинов

Темные игры – 2 (сборник)

Виктор Павлович Точинов

Темные игры – 2 (сборник)

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=156972

Аннотация

Сборник повестей в жанре мистического, фантастического и детективного триллера:

- Уик-энд с мертвой блондинкой;
- Ночь накануне юбилея Санкт-Петербурга;
- Не стреляйте в демонов моря;
- Муха-цокотуха;
- Остров Стрежневой;
- Утечка мозгов;

Содержание

УИК-ЭНД С МЕРТВОЙ БЛОНДИНКОЙ	6
ГЛАВА I. ПЛОХОЙ МАЛЬЧИШКА	6
1.	6
2.	8
3.	11
4.	15
5.	17
6.	20
ГЛАВА II. ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ	22
ХИРУРГИИ И ПАТОЛОГОАНАТОМИИ	
1.	22
2.	26
3.	31
4.	33
ГЛАВА III. ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ	36
ОРГАНИЧЕСКОЙ И НЕОРГАНИЧЕСКОЙ	
ХИМИИ	
1.	36
2.	40
3.	41
4.	44
ГЛАВА IV. СБАГРИЛ ТЕЛО – ГУЛЯЙ	48
СМЕЛО	

1.	48
2.	53
3.	54
4.	58
ГЛАВА V. НАВЗРЫД РЫДАЛА КОБЫЛА...	62
1.	62
2.	65
3.	67
4.	69
5.	70
6.	73
ГЛАВА VI. ШОУ С ПЕРЕОДЕВАНИЯМИ И ИСЧЕЗНОВЕНИЯМИ	76
1.	76
2.	79
3.	82
4.	85
ГЛАВА VII. НЕТУ ТЕЛА – НЕТ И ДЕЛА?	88
1.	88
2.	90
3.	93
4.	97
ГЛАВА VIII. ЧТО ИМЕЕМ – НЕ ХРАНИМ, ПОТЕРЯВШИ – ПЛАЧЕМ	100
1.	100
2.	102

3.	104
ГЛАВА IX. ТОП, ТОП – ТОПАЕТ МЕРТВЕЦ	108
1.	108
2.	113
Конец ознакомительного фрагмента.	116

Виктор Точинов

Темные игры-2

УИК-ЭНД С МЕРТВОЙ БЛОНДИНКОЙ

*Александру Щеголеву, певцу ужасов ночи,
шалопая, думающему о вечном, но хотящему
странного, посвящается.*

ГЛАВА I. ПЛОХОЙ МАЛЬЧИШКА

*Его передернуло: да, труп...
А. Щеголев «Ночь, придуманная кем-то»*

1.

Людам не дано прозревать свое будущее, но очень хочется. И стараются они как могут: раскидывают Таро и обычные карты, вглядываются в бобы и в кофейную гущу, обращаются к профессиональным шарлатанам... Иногда успешно, чаще всего нет.

Но порой будущее вполне очевидно – без всяких хиромантов и гороскопов. Например, если на полу вашей кухни лежит свежий труп человека, умершего насильственной смертью от вашей же руки... Тут гадать о дальнейшем не приходится: арест, суд, приговор, долгие годы за решеткой. Незачем мусолить наполненные оккультными знаниями фолианты. Достаточно заглянуть в тоненькую книжечку Уголовного Кодекса.

Так Паша Шикунов и поступил.

Развернул дрожащими руками Кодекс – на статьях, повествующих о всевозможных убийствах. Цифры не обнадеживали. Самая маленькая – шесть лет. Шесть бесконечно-кошмарных лет среди очень плохих людей. Человеком после такого не останешься. На свободу выйдет навеки запуганное и забитое животное.

Лющенко даже после смерти сохранила ехидное выражение лица. И, по крайней мере, так казалось Паше, – ехидный взгляд мертвых открытых глаз. Словно радовалась: теперь-то, дескать, получишь своё сполна, пло-х-х-х-хой мальчиш-ш-ш-ш-ка...

«Плохой мальчишка» – слова вроде и не особо оскорбительные – Лющенко умела произносить с воистину змеиным шипением. Отшипела свое, сучка...

Паша с ненавистью посмотрел на нее, на расплзшуюся из-под головы темную лужицу. Попробовал пересесть – мертвый взгляд, казалось, переместился вслед за ним...

Оборвав петельку, Шикунов рванул со стены кухонное полотенце. Издалека, не приближаясь, накинул на мертвое лицо. Брезгливо подумал, что полотенце придется потом выбросить. И оборвал сам себя: какое ещё «потом»...

НИКАКИХ «ПОТОМ» ДЛЯ НЕГО НЕ БУДЕТ.

Потом совсем другие люди подберут тряпку и приобщат к делу...

Стерва, стерва, стерва-а-а-а!!!

Ну почему он должен губить жизнь из-за какой-то гадины?

Которая, к тому же, сама во всем виновата? Сама на все напросилась?!

Нет, надо что-то придумать...

Он вновь сел к столу, закурил очередную сигарету. Стал думать. Кран на кухне подтекал, капли падали, отсчитывали что-то занудным метрономом... За окном светало – первые солнечные лучи пронизали затянувшее кухню табачное марево.

2.

Лющенко носила красивое имя Ксения, но так ее никто из общих с Пашей знакомых никогда не называл. И уменьшительно – Ксюшей – тоже.

Говорили: Лющенко. Иногда и того хуже: наша отморозенная Лющенко.

Отчасти тому причиной стала старая школьная привычка называть всех по фамилиям (Шикунов с Люценко когда-то были одноклассниками и жили по соседству). Но только отчасти. Во многом вину за такое обращение несли некоторые свойства характера Люценко – весьма стервозного, прямо скажем, характера. Еще Андрюшка Кутузов, сидевший с ней в шестом классе за одной партой, вечно ходил с исцарапанными руками, – пускала в ход когти по любому поводу. И без повода тоже...

Годы шли, но характер вздорной девки не изменился. Разве что царапалась реже. Впрочем, Паша несколько лет с ней не виделся – долго жил и работал в Казахстане. Вернувшись, случайно встретил на улице минувшей осенью. И подумал: годы все-таки меняют людей, вот и Люценко к своим двадцати восьми на человека стала похожа. Как же он ошибался...

Но в общении – так показалось тогда – действительно изменилась. Спокойно, без издевочек-ухмылочек, поздоровалась; назвала по имени, Павлом, а не прошипела, как бывало раньше: Ш-ш-шикуноф-ф-ф-ф...

Постояли, поговорили. Расспросила – отнюдь не комментируя ответы язвительно – чем занимался после института (в студенческие времена доводилось порой встречаться); где пропадали последние годы, чем занят сейчас...

Паша отвечал лаконично, сначала даже несколько насто-роженно. По его воспоминаниям, Люценко вполне способ-

на была напустить на себя сочувственно-доброжелательный вид, прежде чем сказать расслабившемуся человеку особо выдающуюся гадость.

Не сказала.

Вместо этого поведала кое-что о себе: работает в сфере недвижимости, зарабатывает неплохо, вполне современная деловая женщина, семьей не отягощена, хоть и понимает: пора бы, дольше гулять вольной казачкой не стоит, и мужчина есть подходящий на примете – более чем обеспечен, и готов хоть завтра узаконить отношения, да что-то она всё никак не может решиться – избранник на двадцать пять лет старше...

Звучало все спокойно, доброжелательно. И столь же доброжелательно прозвучал ее вполне естественный вопрос: а у тебя как на семейном фронте?

Паша ответил коротко: женат, двое детей, все в порядке.

И – соврал.

Но не объяснять же отмороженной Лющенко, что ничего у него не в порядке, что шесть лет брака идут псу под хвост по вине... Черт его знает, по чьей вине, оба, наверное, хороши, но он-то всё осознал и понял, и не повторит былые ошибки, а вот Лариска с ее попавшей под хвост вожжей... В общем, не предмет для уличных обсуждений.

Он соврал, но это ничего не изменило. Лющенко, как выяснилось позже, была в курсе всего. Умением вынюхивать сплетни отличалась феноменальным.

Однако вида не подала. И ничем информированности не

выдала. Восхитилась: ну ты молодец! А кто: мальчики или девочки? Ах, сын и дочка? А как зовут? А сколько лет? Кстати, не надо ли – есть два билета, в Дом Кино, на фестиваль старых советских мультфильмов, самых лучших... Сводил бы старшенькую, а то на штатовских мультсериалах, что нынче экраны заполнили, детей грех воспитывать.

Паша клюнул.

С деньгами по возвращении было не густо, побаловать дочку лишний раз хотелось... И он клюнул. Заглотил крючок, как глупый, прельстившийся червяком карась.

Так всё и началось. А закончилось здесь, на прокуренной кухне...

3.

Вопрос в следующем: видел ли кто-нибудь, как эта тварь шла к нему в квартиру?

Ответ: а хрен его знает.

В доме девять этажей, на каждой площадке семь квартир. Народу по лестнице ходит и в лифте ездит много, все жильцы друг друга и в лицо-то не помнят. Могли не заметить, не обратить внимания. Шансы неплохие.

Вопрос номер два: а кто, собственно, вообще знал, куда и к кому идет Лющенко?

С этим сложнее. Надо подумать. Живет (в смысле, жила до этой ночи) Лющенко одна. Родители съехали на остав-

шуюся от бабушки-дедушки квартиру, дабы не мешать обу-
страивать личное счастье доченьке... Хотя какое там счастье
с таким стервозным характером, но это вопрос уже другой.
Короче – жили раздельно. Перезванивались, надо полагать.
Но едва ли Лющенко подробно и ежедневно докладывала,
кого собирается осчастливить визитом.

Друзья, подруги? Даже не смешно. Исключаются по опре-
делению. Разве что случайно встретила кого-то знакомого по
пути к Паше... Ну, допустим, встретила... И что? Тут же вы-
палила, что идет ночевать к Шикунову? А ведь могла, кста-
ти. Вполне в ее духе. Особенно если надеялась, что как-то
сказанное дойдет до Ларисы...

Но – ходьбы между их подъездами в соседних домах ми-
нуты три, максимум четыре. А в одиннадцатом часу вечера
на улицах уже не так оживленно. Многие их общие знакомые
– бывлые соученики – поразъехались из родного микрорайо-
на. Кто остался – люди теперь солидные, семейные, с гита-
рами в сумерках не шатаются.

Можно допустить с большой вероятностью: никто в целом
свете не знает, что Лющенко сейчас лежит и медленно осты-
вает на кухне Паши Шикунова.

А это значит...

Это значит, что никто и не должен узнать. Мало ли лю-
дей выходят из дома и никогда не возвращаются? Газеты и
стенды так объявлениями и пестрят: ушла из дому и не вер-
нулась...

Почему он, Паша, должен долгие годы расплачиваться за несчастный, по большому счету, случай? Даже нет, за самоубийство! Точно. Только желающая покончить счеты с жизнью личность могла вести себя таким образом... Как дожила-то до своих лет – непонятно.

Вердикт ясен: самоубийство. Суицид. Неважно, что суду это никогда не докажешь. Доказывать ничего не придется, если...

ЕСЛИ АККУРАТНО ИЗБАВИТЬСЯ ОТ ТЕЛА.

М-да, легко сказать...

Практического опыта в таких делах Шикунов не имел. Откуда? Но, по счастью, подобным вопросом часто озадачивались персонажи детективов, которые Паша любил полистать на досуге. Придется вспомнить прочитанное. Хорошенько вспомнить...

Наиболее простой путь – вновь дожидаться темноты и эвакуировать Люценко на лестницу. Или сбросить с балкона. Самый простой путь и самый глупый. Исчезновение ее наверняка заметят уже сегодня, на работе уж точно... А если труп обнаружится завтра в непосредственной близости от шекуновской квартиры... Наверняка ведь хоть кому-то да проболталась о своем романчике с Пашей...

Нет, пусть уж Люценко обнаружат где угодно, лишь бы не рядом с его домом. Тогда и перед людьми в погонах отрицать факт возобновления отношений незачем: ну да, провели пару ночей вместе, вспомнили детство золотое – и разошлись

тихо-мирно, ничего друг другу не обещая. Ни конфликтов, ни общих дел не имели, ищите, дескать, в другом месте...

Но – для этого Лющенко должна покинуть квартиру незаметно. И обнаружиться должна чем дальше и позже, тем лучше. А еще лучше – вовсе не обнаружиться. Точно. Идеальный вариант. Дела об исчезновениях распутывают отнюдь не с тем тщанием, как дела об убийствах. Если бы удалось запустить слух, что она увлеклась черноусым красавцем из далеких краев... Ладно, это уже излишества. Достаточно надежно спрятать тело. Нет тела – нет и дела.

Перед глазами последовательно, как слайды на экране, пробегали картинки:

Вот Паша накачивает свою резиновую лодку и выплывает в предрассветной тьме на середину водоема – самого глухого, безрыбного, отравленного сточными водами, где нечего опасаться рыбаков с сетями или аквалангистов. Вот он аккуратно переваливает через борт длинный сверток, утяжеленный камнями... Пахнущая мазутом вода беззвучно раздается и так же беззвучно смыкается. Всё кончено. Да и не было ничего. Можно пойти домой и напрочь забыть привидевшийся кошмар...

Или – грезилось ему дальше – уединенная полянка где-нибудь в перелесках, примыкающих к Южной ТЭЦ. Он аккуратными пластами срезает и откладывает в сторону дерн, затем роет могилку, выбрасывая комья на заботливо подстеленный брезент. Опускает тело, засыпает, излишки земли –

в припасенные мешки, дерн – на место... Без гроба уже через несколько месяцев можно будет откопать лишь скелет, не поддающийся опознанию. Хотя... Царскую семью вроде идентифицировали генными методами. Но там был случай особый, с найденными на пустыре мослами никто так дотошно возиться не станет.

Еще вариант – безлюдная по ночному времени стройка, Паша у бетономешалки (благо обращаться с подобными агрегатами научился в стройотрядах), длинный сверток ложиться в опалубку... Нет. Стройка отпадает. Ночью недолго напороться на сторожа с собаками, да и наметанный глаз прораба утром сразу заметит неладное. Лес или водоем вполне подойдут.

Но сначала надо туда попасть. Вместе с трупом. Как-то проскользнуть, проскочить мимо сотен окон, за каждым из которых может скрываться пара глаз, с любопытством взирющих на улицу.

4.

Мультфильмы, на которые он сводил Натусика, оказались так себе – отнюдь не самые лучшие. Но дочка была довольна, а Паша поневоле испытывал к Люценко некое чувство благодарности. И при следующей случайной встрече (случайной? ну-ну...) как-то само собой получилось, – пригласил в гости. Не то чтобы официально, в конкретный день и

час, просто предложил заскочить как-нибудь по-простому, по-соседски... Идиот.

Она не стала откладывать в долгий ящик – дня через три-четыре позвонила, напомнила, пришла. Ничего компрометирующего в визите не было – Лариса и дети оказались дома. Посидели втроем на кухне, отправив играть Натусика и Пашку-младшего. Попили чаю с принесенным Люценко вафельным тортиком. Поговорили о том, о сем, – основными темами стали воспоминания о школе да рассказы о Казахстане.

Выглядели тогда Паша с Ларисой – точнее, старались выглядеть при посторонних, – вполне благополучной семейной парой. Сор из избы не выносили. Конечно, политика страусиная, – когда пресловутый сор уже подбирается к горлу, и к окнам и дверям сквозь него не протиснуться, поневоле разнесешь избу по бревнышку, лишь бы вырваться на свежий воздух... Сор, граждане, лучше все-таки выносить, – ночью и маленькими порциями.

Но тогда, полгода назад, им казалось, что за лакированным фасадом их семейной жизни никаких глубоких трещин Люценко не заметила. Зря казалось.

Ей замечать нужды не было, она (Паша только потом понял) всё знала.

Но, надо отдать Люценке должное, душой она не была. Прекрасно понимала, что соваться сейчас в семейную уособицу совсем даже не стоит. Она и не совалась. Просто дер-

жалась неподалеку, поддерживала дружеские отношения, не давала о себе забыть. Выжидала...

И дождалась.

Как-то само собой получилось, что когда Лариса ушла вместе с детьми, и он понял – навсегда, и сходил с ума в пустой квартире, – позвонил Паша именно Люценко. Без особых мыслей и планов, просто нужен был человек рядом, чтобы не дать скатиться в разверзшуюся у ног черную бездонную пропасть...

Она пришла.

И в тот же вечер они оказались в постели.

5.

Машины у Шикунова не было, и это сильно осложняло дело.

Права имелись, но свою тачку он продал, уезжая из Казахстана, чтобы не перегонять за тысячи километров и не возиться со всеми таможенными формальностями. Хотя, может, особенных препон на российско-казахской границе и не существовало, он просто не узнавал, решив сразу: тут продам, там куплю – и все дела. Не сложилось.

Для начала выяснилось, что цены на авторынках Питера и Караганды несколько отличаются – и не в пользу Питера. Чтобы приобрести что-то равноценное, надо было хорошенько поискать... Но деньги, отложенные на покупку, как-

то незаметно начали рассасываться – когда есть двое малолетних детей, а постоянной работы пока нет – вариант вполне закономерный.

В общем, машины у Шикунова не было. И денег на немедленную покупку тоже не было.

Такси?

Смешно... Сюжет для черненькой комедии – он волочит из подъезда Люценку, якобы вусмерть упившуюся, и говорит таксисту: нам куда-нибудь за город, в местечко побезлюднее да полесистее; но вы подождите, я сейчас за мешками да за лопатой схожу...

Какие еще возможны варианты? Выбор широкий. Купить по дешевке самую развалюху, прогнивший «москвич» или раздолбанный «запорожец». Взять напрокат. Воспользоваться транспортом кого-то из знакомых – по доверенности. Угнать, наконец.

Развалюха – вполне реально, но опасно. Сломается на полпути, – и что дальше? Да и гаишники такой транспорт останавливать любят – знают, что найдут, к чему прицепиться. Не пойдет.

Прокат? Это в Америке легко и просто взять в аренду тачку. Как подступиться к такому делу у нас, Паша не имел понятия. И отложил вариант про запас.

Знакомые? Никто из знакомых ни ключей, ни доверенностей Шикунову не давал. Разве что обзвонить всех, кого только можно, сочинив какую-нибудь убедительную исто-

рию. Но рискованно. Это же сколько народу узнает, что ему вдруг срочно потребовался транспорт... А если люди в форме проявят интерес к Паше? Нет, доверенность – на самый крайний случай.

Вариант с угоном он не стал обдумывать. Понятия о ремесле угонщика были у Паши более чем приблизительные.

Значит – начать с проката. Полистать «Желтые страницы», узнать, какие фирмы этим занимаются, позвонить, спросить об условиях... Но это чуть позже, когда откроются конторы и офисы.

А сейчас стоит продумать главное – как труп преодолеет двадцать метров от дверей парадной до стоящей на подъездной дорожке машины (допустим, у него будет машина). Лестница и лифт – не так страшно, можно выбрать такое время суток, когда там никто не встретится. С вероятностью девяносто девять процентов не встретится – но рискнуть придется.

Главное – эти злосчастные двадцать метров. Почему-то Паше казалось, что именно тут он и погорит. Случайный прохожий на улице, или страдающая бессонницей бабулька за окном, – и все, конец. Самое главное – не будет ведь покоя: видел кто? нет?

Тюк? Длинный сверток? Слишком подозрительный груз, и запоминающийся... Здоровенная коробка из-под холодильника, завалившаяся в кладовке? В легковую машину не влезет, да и ворочать одному несподручно... Влюбленный

несет на руках свою подругу? Ну-ну... А она обмякла и не шевелится...

Черт возьми! Любому нормальному человеку ясно, что убивать надо подальше от дома, на лоне природы – чтобы труп добирался туда своим ходом!

Да что уж теперь. Как получилось, так и получилось...

6.

Как-то так получилось, что в тот же вечер они оказались в постели.

И ведь не было такого, чтобы к Люценке его влекло, и лишь Лариса мешала. Не было. Истосковаться от недостатка женской ласки Паша тоже не успел, хотя, конечно, радости семейного секса остались в прошлом задолго до ухода жены. Но были, были у Паши связи на стороне – легкие, ни к чему не обязывающие. Поначалу – когда пошла семейная жизнь трещинами – покончил со всем этим; потом увидел – не помогает, и осторожно принялся за старое.

В общем, он и сам не знал, как очутился с Люценко на нерасстеленном диване. Вернее – зачем? Защитная реакция организма? Может быть... Страх, что сейчас она уйдет – и снова навалится одиночество? Еще вероятнее...

Самое смешное, что в тот раз у него ничего не вышло. Не отошел от шока потери. Потому что жену любил по-настоящему, и интрижки на стороне тому не мешали – наоборот,

считал, что такое разнообразие вносит свежую струю, не даёт браку иссохнуть, окаменеть, покрыться плесенью.

И детей любил – без всяких оговорок.

... Лющенко и тогда повела себя достойно – ни издевок, ни попреков. Хотя могла и умела, ох как умела... Но она метила выше. Собиралась не просто развлечь себя парой-тройкой обыденных случек. Закреплялась всерьёз и надолго.

Утешила: перенервничал, с каждым может случиться, всё наладится и поправится. И точно – на следующую ночь у Паши получилось.

Так у них и пошло – каждый вечер Лющенко приходила, и не просто на романтическое свидание... Обживалась. Готовила и мыла посуду, по-своему переложила все кухонные принадлежности, повесила новые занавески. Наверное, она была Паше нужна в те первые дни. Наверное, без нее он падал бы и падал в беспросветную яму тоски, и кто знает, каких чудовищ там бы встретил...

Но через четыре дня, когда потрясение сгладилось, у Шикунова словно открылись глаза. Он спросил сам себя: а что, собственно, здесь делает эта женщина? Очень мало знакомая и совсем его не интересующая?

И сам ответил себе: Лющенко здесь уже живет. Вот так, не больше и не меньше.

ГЛАВА II. ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ ХИРУРГИИ И ПАТОЛОГОАНАТОМИИ

*Он поднял голову и посмотрел на неё...
А. Щеголев «Ночь, придуманная кем-то»*

1.

Солнце поднималось все выше. Перевалило через стоявшую напротив девятиэтажку, залило ярким светом прокуренную кухню. Пора звонить, узнавать всё что можно о прокате автомобилей, – но Паша не спешил. Незачем – пока не решен вопрос с транспортировкой трупа от подъезда до машины...

Хотя, если честно, решение имелось. Но Шикунов старательно обходил его, пытался найти какой-то иной, изящный и выигрышный вариант. Но таковых не оказалось. И мысли поневоле вновь и вновь сворачивали к нехитрому выводу:

ЦЕЛЫЙ ТРУП НЕЗАМЕТНО НЕ ВЫНЕСТИ. ЗНАЧИТ, НАДО ВЫНОСИТЬ ПО ЧАСТЯМ.

Он наклонился над телом. Сдернул полотенце с лица. Долго всматривался и уговаривал себя: это уже не человек, это груда мяса, костей и требухи. Куча мертвой органики. Какая

разница – одна мертвая куча или две? Или четыре? Или восемь? Никакой.

Хотя есть, есть, есть разница. Если куча останется целой и неделимой, Паше придется долго об этом жалеть – несколько лет, каждый день. Жалеть в очень нехорошем месте.

Надо оттащить ее в ванну, подумал он. Оттащить и все подготовить. Может, за это время придет другая идея. Хотя в глубине души понимал прекрасно: не придет. Труп придется РАСЧЛЕНЯТЬ. Впервые Шикунов мысленно произнес это слово – и ему стало легче. Словно рухнул какой-то невидимый внутренний барьер...

Он ухватил Люценко за лодыжки, показавшиеся странно теплыми, – и тут же выпустил. Пятки стукнули об пол. Паша торопливо рылся в выдвижном ящике кухонного стола, вываливая всевозможный ненужный, но отчего-то не выброшенный хлам – огарки свечей, консервный нож с обломанным лезвием, давно севшие батарейки, старый безмен, показывавший на полкило больше истинного веса... Наконец обнаружил искомое – пару резиновых перчаток.

Натянул, снова взялся за ноги трупа, потащил. Коротко и модно стриженные волосы Люценко растрепались, собирали пыль и сор с пола. «Я у мамы вместо швабры...» – вспомнил Паша дразнилку, с которой в его школьные годы обращались к сверстникам, мало дружившим с расческой. Что-то там было еще, вроде даже в рифму, он не мог вспомнить и твердил про себя, как заведенный: «Я у мамы вместо шваб-

ры, я у мамы вместо швабры... » И – помогало. Станным образом низводило всё до уровня какой-то игры. Страшно-вальной, но все же игры.

... Пол в ванной был сантиметра на три-четыре ниже, чем в прихожей. Порожек казался совсем не высоким, обычно Шикунов его не замечал, перешагивал совершенно автоматически, но сейчас показалось: затылок Люценко ударился о плитки пола с громким треском – словно кто-то сломал о колено толстую сухую ветку. Он на несколько секунд замер, сам не очень понимая – отчего. Потом выругал себя: все только начинается, впереди большая работа, если так будешь шарахаться от каждой тени и каждого шороха – лучше сразу пойти и набрать «02».

В ванне стоял таз с грязным бельем, пришлось аккуратно, вдоль стенки, обходить труп и выставлять емкость в прихожую. Вернулся, попробовал перевалить Люценко в ванну, подхватив за плечи – не вышло, тело оказалось неподатливым и громоздким. Тогда он взялся за середину, там, где по его расчетам должен был находиться центр тяжести. На сей раз все получилось как надо.

Затылок трупа снова издал мерзкий сухой звук, еще более громкий – теперь треснувшись об эмаль ванны. Паша почти не обратил внимания. Он обдумывал, каким инструментом лучше воспользоваться.

Следующие двадцать минут были посвящены поискам – за пять лет подзабыл, что и где лежит в квартире, да и при-

везенные из Казахстана вещи по приезду он распихал кое-как, без особого порядка.

... Пила-ножовка оказалась в приличном состоянии – зубья наточены, разведены. А вот нож для разделки мяса – скорее даже не нож, а тесак – отыскался с большим трудом и выглядел плачевно: тупой, на потемневшем металле проступили пятнышки ржавчины. Похоже, никто не брал тесак в руки после смерти отца – у того изредка случались кулинарные порывы, причем никаких полуфабрикатов Шикунов-старший не признавал, лишь парное, принесенное с рынка мясо. Но Паша с Ларисой питались попроще, покупали котлеты или фарш, варили готовые пельмени...

Он механическими движениями гонял тесак по бруску – вжик, вжик, вжик – а сам думал, как дико для него звучит прошедшее время: покупали, варили... Нет, к черту! Надо разделаться с этим кошмаром – и непременно помириться с Лариской. Она же умная баба, она поразмыслит и поймет, что в наше время остаться одной с двумя детьми – значит поставить крест на своей личной жизни... Поймет и вернется. Наверное, все будет по-другому, придется выстраивать отношения заново, осторожно и медленно, но...

Но сначала надо избавиться от этой гадины! – резко и зло оборвал Паша свои мысли. Иначе все их с Ларисой проблемы сведутся к одной-единственной: будет или нет она носить передачи в Кресты.

Он в очередной раз опробовал заточку на ногте – на со-

весть отточенное лезвие легко, почти без нажима срезало тончайшую стружечку. Честно говоря, и предыдущая проба была вполне удовлетворительна – но Паша продолжал точить тесак последние две-три минуты лишь для того, чтобы оттянуть момент, когда его придется пустить в ход.

Теперь надо позвонить насчет машины, потом подумать про тару и упаковку, потом... Он поймал себя на том, что придумывает новые и новые предлоги, чтобы не идти в ванную, чтобы не начинать... Разозлился, подхватил инструменты, пошел, – от кухни до ванной каких-то восемь шагов, но он делал каждый следующий медленнее, чем предыдущий. С радостным облегчением вспомнил: нужен фартук или халат! К сожалению, долго искать спецодежду не пришлось...

Затем он неторопливо размышлял о необходимых размерах фрагментов. Затем – о местах разрезов и распилов. Всё решил и продумал, пора, нечего оттягивать, кто-то и где-то наверняка уже заметил отсутствие Лющенко, время работает против Паши... Он всматривался в мертвое лицо – и накручивал себя, вспоминая, как кривились губы гадины, когда...

2.

... Когда она прошипела:

– Пло-х-х-х-хой мальчиш-ш-ш-ш-ка...

Разговор имел место минувшим вечером, на Пашиной

кухне. Началось все безобидно. Лющенко сказала, что в воскресенье к ней заедут родители – повидаться, поговорить... И – пригласила Пашу принять участие в семейном ужине. Он отказался – возможно, резче, чем следовало. Но решение к тому моменту созрело: порвать раз и навсегда с Лющенко и предпринять всё возможное для восстановления семьи.

Это был не первый его отказ – пару раз за минувшие дни она уже приглашала Шикунова к себе, побыть вдвоем. У него находились предлоги, чтобы отклонить приглашение. Не надуманные – он устроился наконец на подходящую работу, начальником отдела в небольшую, но бурно растущую фирму. Оформился буквально за три дня до ухода Ларисы, и с головой ушел в проблемы налаживания производства и сбыта – пытаясь этим заполнить звенящую пустоту.

Помогало.

Днем – а рабочий день затягивался у Шикунова до позднего вечера – боль потери притуплялась. А вечером наготове была Лющенко – как таблетка-антидепрессант. Но идти к ней домой отчего-то не хотелось. Казалось: тут какой-то рубеж, какая-то граница. Одно дело – она приходит к нему. Совсем другое – он к ней.

Но вчера вечером отговорки, касающиеся работы, пригодиться не могли – предстоял уик-энд. Да и вообще пришла пора расставить точки над *i*.

Паша расставил: сказал ей прямо, что не видит смысла в развитии отношений. И в затягивании – не видит. Поскольку

люди они разные, и даже поговорить им толком не о чем: ну вообще не интересно ему слушать, какие у Лющенко были шикарные кавалеры на «вольво» и «мерседесах», как они делали ей дорогие подарки, возили по клубам и ресторанам, – но все получили от ворот поворот, ибо по тем или иным причинам не оказались достойны своей избранницы.

Шикунов не преувеличивал. Других тем для разговора у Лющенко не имелось. Вообще. Последнюю книгу она прочитала лет десять назад, с друзьями-подругами не общалась за их отсутствием. Если же ей доводилось выезжать за пределы Питера, то все впечатления, которыми Лющенко была способна поделиться, сводились к сценарию очередного эпизода бесконечного любовного сериала – в декорациях Прибалтики или Крыма.

Возможно, позиция Паши – попользоваться женщиной как таблеткой от стресса и выбросить по истечении надобности – не блистала благородством. Но дальнейшие события показали, что благородство с Лющенко – дело ненужное, глупое и даже опасное.

– Пло-х-х-х-хой мальчиш-ш-ш-ш-ка... – прошипела она, мгновенно сбросив все маски. И стала тем, кем и была все эти годы – расчетливой стервой-падальщицей.

Паша разозлился.

– Замуж невтерпеж? – поинтересовался он, стараясь проносить слова холодно и равнодушно.

И – с трудом увернулся от выплеснутого в лицо обжига-

ющего кофе. Не совсем удачно увернулся – несколько горячих капель попали на шею и щеку. Вместе с болью он, как ни странно, почувствовал облегчение. Нынешняя Лющенко – до сегодняшнего вечера – была какая-то неправильная. Но теперь всё встало на свои места.

– Импотент сраный! – выплюнула Лющенко. Ухватила за край скатерть – и смахнула на пол со всем, что на ней имелось. Взгляд стервы скользнул по кухне – явно в поисках новых объектов для разрушения.

Паша оказался на ногах. Сказал со спокойным удовлетворением:

– Или ты уйдешь сама, собрав вещи. Или – выкручу руку и отволоку к двери. Потом вышибу пинком по заднице. А шмотки будешь подбирать под балконом. Выбирай.

Это стало ошибкой. Надо было сразу выкручивать руку.

– Думаешь, твоя краля вернется? Размечтался... – резанула по живому Лющенко. – Она сейчас с Машкой Гусевой спит, чтоб ты знал. И это ей куда больше нравится, чем твои импотентные потуги!

Про Машу Гусеву он знал. Надеялся, что это мимолетное увлечение Ларисы было лишь призвано заставить Пашку остановиться, задуматься, пересмотреть отношение к семье и жизни. И он остановился, задумался, пересмотрел. Но Лющенко... Ей-то как стало...

– Откуда... – начал Паша.

– Ты идиот, Ш-ш-шикуноф-ф-ф... Слепой, как крот. И

с членом такой же длины. Мы с Машкой работаем в одной фирме. И если женщина не желает изменять мужу с мужчинами, никто лучше...

Дальше он не слушал. Всё ясно и понятно. Его семейная катастрофа вовсе не стала сцеплением нелепых случайностей – но работой стервозной интриганки. Нет, огонек тлел и до ее появления на горизонте, однако вовсе не грозил обернуться большим пожаром. Лющенко же щедро плеснула пару ведер бензина.

Шикунов с трудом подавил острейшее желание: вмазать суке со всего размаха по лицу, чтоб рухнула на пол, и бить, бить, бить ногами...

Не стоит. Она и без того проиграла. Просчиталась в главном – Паша на ее удочку не попался. Почти заглотил крючок, но в последний момент выплюнул. Значит, и ее домыслам о серьезности отношений Ларисы и Маши Гусевой нечего верить.

Он разогнул пальцы, уже сжавшиеся в кулаки. Сказал коротко и, как ему казалось, с ледяным спокойствием:

– Уходи.

– Х-х-хорош-ш-ш-шо, Ш-ш-ш-шикуноф-ф-ф-ф-ф... – зашипела Лющенко вовсе уж по-змеиному. – Я уйду...

Она двинулась якобы в сторону прихожей, Паша посторонился, давая дорогу, и... И, наверное, подсознательно он ждал чего-либо подобного. Каким-то чудом сумел уклониться от ее руки – острые когти прошли в считанных миллимет-

рах от Пашиного лица. Тут же мысок туфли ударил Шикунова по ноге – по голени, по кости, прикрытой лишь кожей.

О-у-у-у!!! Больно-о-о!

Паша отреагировал рефлексивно. От души врезал Лющенко по скуле. Она отлетела, не устояла на ногах. Падавая, ударилась виском об угол плиты. Шикунову показалось: вскользь, несильно. Однако, упав, осталась лежать неподвижно. Он подумал, что гадина притворяется, что стоит нагнуться над ней – снова пустит в ход когти...

Но Лющенко не притворялась.

3.

По суставам, обязательно по суставам, подумал Паша. Разрезать, что разрежется, потом твердое – пилой.

Он наклонился над ванной, занес тесак... И снова распрягнулся. Опять забыл про перчатки, которые снял, пока искал и точил инструмент. Сходил на кухню, надел, – но вся решимость за эти недолгие секунды куда-то подевалась. Шикунов снова наклонился, приложил лезвие к коленке...

В этот момент запиликал домофон.

Паша бросил взгляд на часы и застонал. Лариса! Как он мог забыть про нее! Вчера позвонила на работу, сказала, что в субботу с утра заскочит, заберет кое-какие детские вещи... Он пообещал, что будет дома.

ЧТО ДЕЛАТЬ???

Не открывать? А потом объяснить, что появилось какое-то срочное дело? Вариант неплохой, свои ключи Лариса брякнула на стол, уходя. Но...

Но имелся еще один комплект, запасной. Хранился на всякий случай он у тещи, жившей неподалеку – в пяти автобусных остановках. К матери-то и ушла Лариса. И как раз сегодня обещала принести и отдать ту связку.

Мысли металась в голове. Шикунов метался по квартире. Бросился на кухню, торопливо стал подтирать полотенцем засохшую лужицу крови – не доделав, помчался в ванную.

Домофон продолжал пиликать.

Куда же оттащить, куда же запихать тело? Лариса чистюля невероятная, придя с улицы, тут же отправится мыть руки...

В крохотной «двушке» Шикунова подходящих мест не было. По крайней мере быстро ничего не придумывалось. Да и не известно, по каким углам-шкафам будет Лариса собирать вещи. А если не только детские? Если откроет платяной шкаф и увидит труп?

Домофон смолк. Паша издал слабый скулящий звук. Едва ли Лариса развернулась и ушла. Либо кто-то вошел или вышел, впустив ее, – либо воспользовалась принесенными с собой ключами...

Так ничего и не придумав, Шикунов задернул пластиковую занавеску, скрыв из виду ванну вместе с содержимым. И тут же мелькнула спасительная идея. Щелкнул выключателем, привстал на цыпочки и схватился за висевшую в ван-

ной лампочку. Раскаленное стекло обожгло сквозь тонкую резину, но Паша, матерясь, вывернул-таки лампочку на пол-оборота. Щелкнул выключателем снова – свет не зажегся.

До того, как простуженной канарейкой запиликал дверной звонок, Шикунов успел покончить с кровавым пятном на кухне. Совсем оно не исчезло, но выглядело теперь достаточно безобидно – словно тут разлили и небрежно вытерли кетчуп...

4.

– Оттягиваешься на свободе? – без особого попрека спросила Лариса, кивнув на открытую дверь кухни.

Валяющуюся на полу скатерть и разбитую посуду Шикунов убрать не успел, кофейную лужицу тоже не вытер. Он проглотил комок в горле, попытался что-то ответить – и не смог.

– Не особо эстетично, но вполне логично, – продолжила она. – Я, пожалуй, разуваться не буду.

И – угадал, угадал Паша! – потянула дверь ванной, одновременно нажав на клавишу выключателя.

– Что у тебя со светом, Шикунов? Вверни новую лампочку, есть же запасные...

Он наконец справился с речевым аппаратом. И голос прозвучал достаточно уверенно:

– Дело не в лампочке. Что-то с проводкой. Ты помой руки

на кухне, я принесу полотенце и мыльницу. В ванной к трубам лучше не прикасаться – током бьет.

Сработало!

В электричестве Лариса ничего не понимала, но ударов током боялась панически – после того как в Казахстане едва не стала жертвой незаземленной электроплиты.

Лариса процокала каблучками на кухню, хмыкнула, переступив через следы разгрома. Паша принес обещанные полотенце и мыло, затем быстрым взглядом окинул кухню.

Проклятие!

На стуле лежала сумочка Лющенко!

Возможно, Лариса ее сразу и не заметила, стул стоял не на виду, был втиснут между холодильником и кухонным столом. Прятать было некогда, Паша торопливо уселся прямо на сумочку.

– Приглядываешь, чтобы не прихватила чего лишнего? – спросила Лариса, вытирая руки.

Он молча пожал плечами.

– Не бойся, все кастрюльки-сковородки останутся твоей красотке.

– Какой еще красотке?! С чего ты взяла?

Правдоподобно сыграть возмущение не удалось. Голос дрогнул, и закончил Паша до неприличия пискляво.

Лариса демонстративно втянула воздух носом и продекларировала:

– Тут женский дух, тут бабой пахнет...

Шикунов – машинально – тоже принял, но ничего подозрительного не учуял. Скорее всего, дело в новых занавесках и в разложенной по-новому посуде...

Но спорить он не стал. Дождался, пока Лариса выйдет из кухни, торопливо закинул сумочку в ящик с инструментами – уж туда-то жена точно не сунется. Он по-прежнему думал о Ларисе как о жене; с формальной точки зрения дело так и обстояло – штампы о разводе в их паспортах отсутствовали. И – Паша очень надеялся – всё ещё могло наладиться. Он, собственно, возлагал большие надежды именно на сегодняшнюю встречу – поговорить по душам, напомнить обо всем хорошем, что у них было, о Натусике и Паше-младшем, в конце концов...

Вместо этого Шикунов упорно молчал до самого ухода Ларисы. И мысленно поторапливал ее: ну уходи, уходи же скорее. Что ни говори, жена и любовница, пересекшиеся в одной точке пространства-времени – перебор. Даже если любовница мертвая...

Особенно – если мертвая.

ГЛАВА III. ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ ОРГАНИЧЕСКОЙ И НЕОРГАНИЧЕСКОЙ ХИМИИ

*Герой все-таки решился выскользнуть из туалета. Как он здесь оказался, и сам не помнил.
А. Щеголев «Ночь, придуманная кем-то»*

1.

Наконец он остался один. То есть, конечно же, не один – с Лющенко. Вновь поплелся в ванную, подвернул лампочку – она уже остыла и пальцы не жгла. Подумал, что надо бы снять с Лющенко одежду, чтобы не возиться потом с окровавленными тряпками. Даже не снять, но срезать...

Пошел было за ножницами, но застыл на пороге, осознав простую истину: сейчас он займется одеждой, потом вспомнит еще что-то важное и нужное, потом еще что-то... – лишь бы не приступать к главному.

Он разозлился. Нагнулся над ванной, схватил тесак – к черту перчатки! Но едва отточенное лезвие коснулось кожи, весь порыв испарился. Паша по инерции провел тесаком по коленке – едва-едва, бессильно. Кожа разошлась неглубоким разрезом. Крови не было. Гладкая рукоять тесака выскольз-

нула из вспотевшей ладони. Сталь звякнула о ванну. Паша тяжело опустился на кафельный пол, замер неподвижно.

Все кончено.

Он никогда не сможет сделать ЭТОГО.

Никогда...

Сидел долго, мысли в голове вертелись какие-то дурацкие, абсолютно несвоевременные: вспоминал, как прошлым летом всей семьей ловили рыбу бреднем – здесь, под Питером, в отпуске; как истошный вопль Натусика: «Пашка тонет!» – заставил бросить снасть в самый ответственный момент; но двухлетний Пашка-младший не тонул, – просто, увлеченный невиданным зрелищем, чересчур перегнулся над рекой и шлепнулся в воду у берега, где глубина оказалась по щиколотку...

А вот Пашка-старший сейчас тонет. Вернее – уже утонул. Сидит на дне и не пытается барахтаться.

Но должен же быть какой-то выход! Красивый и изящный, без грубой мясницкой работы, на которую Шикунов решительно не способен...

... Сколько он терзал память в поисках намека на спасительную идею, Паша не знал. На часы он догадался взглянуть только много позже, когда квартира стала напоминать пункт по приему макулатуры – вываленные с антресолей многочисленные пачки журналов, часть которых Шикунов успел распотрошить, делали вполне уместным подобное сравнение...

Он посмотрел на запястье. Четверть первого. Однако...

Но время потрачено не зря – Паша держал в руках старый номер «Огонька», где черным по белому был напечатан рецепт спасения.

Это оказался переводной детектив, роман без начала и без конца, – родители в те годы «Огонек» не выписывали, покупали в киосках от случая к случаю, что весьма раздражало школьника Пашу, которого в журнале интересовали лишь приключения с продолжениями. Чем закончилась та история, он так никогда не узнал – изданный отдельный книгой детектив Шикунову не встречался. Вполне возможно, что книжка и не выходила, – больно уж интересные вещи там описывались.

А именно: один англичанин столкнулся точь-в-точь с Пашиной проблемой. И решил ее достаточно оригинально – растворил труп в кислоте! В собственной ванне!

Оказывается, сильные кислоты, напрочь разъедая органику, на керамическую эмаль не воздействуют. Зато весьма активно воздействуют на металлы – и хитрый англичанин, неплохо знавший химию, тщательно заделал все мельчайшие трещинки на эмали ванны. Попросту залил расплавленным парафином. Тем же парафином изолировал металлическое кольцо стока и пробку, оный сток затыкающую. А так же цепочку, посредством которой надлежало в положенный срок пробку выдернуть.

И всё у этого британского алхимика получилось!

Труп превратился в раствор всевозможных органических

соединений – и тихо-мирно утек в канализацию, где и смешался с прочими отходами (самое подходящее для суки Лющенко место!). Главное – заткнуть все дверные щели влажной тряпкой, чтобы выделяющиеся по ходу химического процесса ядовитые испарения не просачивались из ванной в квартиру. А потом не забыть промыть сток большим количеством холодной воды.

И всё!

Никаких следов, никаких улик!

По крайней мере, Скотланд-Ярд в романе угодил в тупик. Надо думать, как-то в недостающих номерах бравые инспектора и полисмены решили загадку, не может детектив закончиться торжеством преступника – но едва ли наши менты обладают дотошностью романых сыщиков.

Да им и в голову не придет, что у нас возможно такое. Доморощенным убийцам размаха и фантазии на подобные изыски не хватает. Пойманным глупцам не хватает, поправил себя Шикунов. Потому что никому не известно, каким именно способом исчезли из этого мира люди, до сих пор числящиеся пропавшими без вести. И Лющенко будет числиться. И про Лющенко никто не узнает...

Остается самое простое – не привлекая лишнего внимания, закупить нужное количество кислоты.

Повезло. Магазин «Реактив», телефон которого Паша отыскал в «Желтых страницах», по субботам работал.

2.

Какой конкретно кислотой воспользовался персонаж, в найденном Пашей отрывке не упоминалось. Но из школьного курса химии помнилось: вроде бы самые сильные кислоты – соляная, серная и азотная. И, кажется, еще фосфорная, – но такой в «Реактиве» не оказалось.

Соляная отпала сразу – продавалась крохотными пятидесятиграммовыми пузырьками и стоила слишком дорого. Азотная и серная кислоты были разлиты в тару посолиднее – в литровые бутылки. Надежней их, пожалуй, смешать. Получится «царская водка», способная растворить даже золото, не то что какую-то сучку...

Или в «царскую водку» все-таки входит соляная? Ладно, неважно... Для его целей вполне хватит и серной кислоты, смешанной с азотной.

Паша прямо у прилавка занялся вычислениями, досадуя, что не сделал этого дома. Какой объем у ванны? Литров триста, не меньше. А у Люценко? Да черт ее знает... Поразмыслив, Шикунов решил, что меньше чем сотней литров кислоты не обойтись. А для гарантии лучше взять полтора ста.

Однако... Мало того, что вес неподъемный получается, да и цена кусается, – так ведь и покупают здесь по одной-две бутылки... И в магазине наверняка запомнят такого редкого клиента.

Тогда он предпринял хитрый маневр. Подошел к продавцу, сказал, что приехал из провинции и желает прикупить кое-каких химических реактивов (кислоту благоразумно не упомянул). Но – в больших количествах и по оптовой цене... Короче говоря, подскажите: где можно таким образом затовариться?

Продавец скрытничать не стал: да у них же и можно, на оптовом складе, на Охте. Дал адрес и телефон, но предупредил – в выходные склад закрыт, приезжайте в понедельник.

Паша настаивал: дескать, хорошо бы сегодня, на завтра уже куплен билет. Нет ли другой точки на примете? Работающей по субботам? Таковых продавец не знал, и уверял, что все оптовики в выходные отдыхают.

Это меняло ситуацию – в худшую сторону. Два дня Люценко проваливается в его квартире. Но иных вариантов Паша не видел... Поблагодарил продавца, сказал, что перенесет отъезд – и тут труженик прилавка добавил головной боли. Сказал, что оптом реактивы отпускаются лишь организациям – так что не забудьте доверенность, пожалуйста.

3.

Вот не было печали... Бланк доверенности от липовой фирмы достать не проблема, знал Паша один ларечек на техническом рынке, бойко торгующий подобными бумажками. Но в доверенность полагается вписывать паспортные данные

получателя. И, теоретически, предъявлять ее надо вместе с паспортом. Часто второе правило не соблюдается, есть бумажка с печатью – и ладно. Но фирма, торгующая сильнодействующей химией, может потребовать соблюдения всех формальностей...

С этими грустными мыслями Паша ввинтился в переполненный салон сорок пятого троллейбуса и покатил в сторону рынка «Юнона». Где стал обладателем – как и ожидалось, без особых хлопот и затрат – доверенностей аж от трех фирм. Поразмыв, решил, что оформит доверенность на вымышленную фамилию, заполнит фальшивыми паспортными данными и отправится в понедельник на Охту. Спросят паспорт – скажет, что забыл дома. Продадут кислоту – хорошо, нет – попробует тот же вариант в другой фирме, торгующей химией. Где-нибудь да повезет.

Побродив час по рынку, Шикунов приобрел респиратор – дабы не надышаться ядовитых испарений, и прорезиненный комплект химзащиты – на всякий случай, чтобы не попала на кожу случайная капля кислоты. Химзащита продавалась в контейнере с рыбацкими принадлежностями – водонепроницаемые штаны и куртки были в большом ходу у рыболовов. Там же Паша купил и складной багорчик для зимней рыбалки – подцепить пробку из слива ванной; изолировать парафином от кислоты каждое звено цепочки казалось делом ненадежным.

Походил еще, обзавелся источником парафина – двумя

упаковками толстых свечей. Больше ничего, необходимого для задуманной операции, в голову не приходило. Но Паша бродил и бродил между ларьков, контейнеров и прилавков – возвращаться домой, где в ванной расположилась Лющенко, не хотелось.

Лишь ближе к вечеру, когда продавцы начали сворачиваться, а толпа покупателей поредела, Шикунов волей-неволей отправился восвояси.

Снова втискиваться в троллейбус Паша не стал – в этот час с рынка уезжали слишком многие. Поехал на маршрутке, благо та доходила почти до дома. Но и это средство передвижения не оказалось оптимальным – под вечер Ленинский проспект был забит пробками.

... Микроавтобус полз со скоростью пятьдесят метров в минуту. Жара внутри раскалившейся на солнце металлической коробки стояла несусветная. В открытые окна вместо свежего воздуха врывались выхлопные газы... Но немилосердно потеющего Шикунова охватил вдруг ледяной холод. ЖАРА!!! – чуть не завопил он. Всем известно, что происходит на жаре с мертвецами. В ванную, допустим, солнечные лучи не попадают – зато вдоль стенки там идет змеевик с горячей водой. И что станет с Лющенко за двое с лишним суток при такой температуре? Ничего хорошего. Вонь будет стоять на всю квартиру. Хуже того, может просочиться на лестницу.

В памяти у Паши всплывали истории об одиноко жив-

ших людях – и одиноко умерших – обнаруженных мертвыми именно по сочащемуся сквозь неприметные дверные щелки запаху... Хотелось выскочить и побежать к дому, обгоняя ползущие в пробке машины.

Он сдержался.

До дома километров семь, не меньше – а затор наверняка возник не так далеко, на углу Кубинской улицы. Странное там место – вроде и обзор не такой плохой, но много лет с непонятной регулярностью сталкиваются машины. Автомобильный Бермудский треугольник какой-то... Паша буквально заставлял себя размышлять об аномальной зоне на пересечении Кубинской и Ленинского, – лишь бы не думать о том, что ждет его дома. И кто.

4.

На лестнице он остановился возле своей двери. Принюхался. И долго не мог понять – не то из-за двери действительно пахнет, не то шутит шутки взбудораженное воображение.

Входить не хотелось, но он вошел. Первым делом потянул воздух носом – вроде ничего особенного, никакой шибяющей в нос вони... Обычный запах квартиры, в которой много курили, а потом не проветрили.

Сразу же – не раздеваясь, не разуваясь – Шикунов прошел в ванную. Лющенко лежала на том же месте в той же по-

зе, только пятно крови вокруг головы спеклось, почернело. Преодолевая брезгливость, Паша чуть-чуть сдвинул в сторону ее ноги, вставил пробку, открыл кран с холодной водой.

Ванна медленно наполнялась. Одежда Лющенко темнела, намокала. От кровавого пятна поползли розовые прожилки. Волосы шевелились в беспокойной воде. Когда-то – в далекие школьные годы – Лющенко была рыжеватой шатенкой. Но в последнее время перекрасилась в блондинку. Светлые, лишь чуть потемневшие в воде волосы у самых корней казались почти черными – словно какие-то присосавшиеся к голове трупа живые червеобразные паразиты с черными головками. Они и в самом деле живые, – вспомнил вдруг Паша, где-то он читал, что и волосы, и ногти растут много недель после смерти; растут, не зная, что принадлежат уже мертвецу.

От мысли, что какая-то часть Лющенко жива, стало мерзко. Шикунов торопливо отвернулся от трупа, протянул руку под раковину, нащупал и завинтил вентиль горячей воды. Помыть руки и холодной можно, а температура сразу упадет. Только до понедельника надо будет несколько раз, по мере нагревания, сменить холодную воду, заполняющую ванну. Хотелось надеяться, что это поможет задержать разложение...

Пожалуй, хватит воды, решил Паша и потянулся к крану. И в этот момент зазвонил телефон.

Он замер.

КТО?

Возможно, это вполне безобидный звонок: коллеги по новой работе, родственники, знакомые... Лариса, в конце концов.

Но почему-то трубку брать не хотелось. Вдруг Лющенко уже хватились? Вдруг уже ищут? Может, пока не милиция, пока лишь родители... Не стоит отвечать. Нет никого дома, и точка. Имеет право человек уехать куда-нибудь в законный уик-энд?

Он стоял, замерев – словно неосторожное движение могло выдать Пашино присутствие неизвестному абоненту. А тот попался настойчивый – телефон трезвонил и трезвонил. Наконец смолк – Шикунов метнулся на кухню, выдернул телефонный штепсель из розетки. Затем повторил ту же операцию со вторым аппаратом, в большой комнате.

Всё, никого нет дома. Все в турпоходе или на даче.

На звонки в дверь тоже не следует реагировать. Лариса, по счастью, запасной комплект ключей принесла, не забыла, – и ее несанкционированных визитов опасаться не стоит... А еще – для полной гарантии – не стоит включать свет, как стемнеет. Не то очень опасная нестыковка может получиться. Благо, ночи сейчас белые, темнеет поздно... И – никаких громких звуков. Чтобы за стеной не услышали звук телевизора или...

Черт!!!

Паша рванулся с места – из ванной донесся плеск лью-

щейся через край воды. Торопливо завернул кран, торопливо бросился за тряпкой. Только этого не хватало! Закапает у нижних соседей с потолка – и будут стучать-звонить в дверь до победного конца, проверено на опыте.

Но вроде обошлось, успел вовремя... Шикунوف последний раз выжал тряпку над раковиной, принес из кухни кастрюлю – вычерпать из ванны лишнюю воду. Зачерпнул, неосторожно коснувшись Лющенко – и труп шевельнулся.

Померещилось, конечно же померещилось... Обычный оптический обман. В движение пришла поверхность воды, но никак не скрюченные пальцы мертвой женщины.

Проклятая тварь не осталась на дне, как он подспудно надеялся. Болталась на поверхности – лицо и грудь торчали из воды. Глаза по-прежнему были открыты. И по-прежнему косили в сторону Паши.

Он снова зачерпнул воду – и снова с содроганием заметил легкое движение Лющенко...

Внезапно, без всяких предупреждающих позывов, его скорчила рвотная судорога. Шикунوف согнулся над раковиной, издавая омерзительные звуки. Наружу вылетали зеленоватые слизистые капли. Паша с удивлением вспомнил, что ничего не ел со вчерашнего ужина. Но, странное дело, за весь день совсем не почувствовал голода.

И сейчас аппетита не было. Лишь смертельная усталость, да желание – скорее бы наступил понедельник.

ГЛАВА IV. СБАГРИЛ ТЕЛО – ГУЛЯЙ СМЕЛО

*Он рыдал кашлем и жалобно спрашивал сквозь спазмы в горле: «Чего это, а? Чего это?»
А. Щеголев «Ночь, придуманная кем-то»*

1.

Разбудил его звонок в дверь. Весьма настойчивый звонок – электронная пташка-канареечка едва успевала завершить одну хриплую трель и тут же снова начинала чирикать.

Паша оторвал голову от подушки. За окном светло, но часы на руке показывают что-то невразумительное. Шесть утра? Шесть вечера? В питерском июне так сразу и не поймешь... Впрочем, судя по тому, что Паша спал одетым, под легким пледом, – все-таки это был вечер... Точно, вспомнил он, прилег вздремнуть после обеда.

Звонок продолжал заливаться.

Не отпирать! Ни в коем случае не отпирать! Только через секунду Шикунов понял и осознал, что таиться теперь ему незачем – неаппетитная органическая жидкость, бывшая когда-то сучкой Люценко, давно утекла в канализацию, а так и не растворившиеся крупные кости зарыты в надежных ме-

стах. И большое количество воды с высыпанной в нее пищевой содой уничтожило любые следы кислоты в трубах.

– Кто там? – сонным голосом спросил он, подойдя к двери. Заглянул в глазок и увидел пожилых лет мужчину с деловито-казенным лицом, украшенным подковообразной бородкой. Мгновеньем спустя обзор перекрыла развернутая книжечка удостоверения.

– Я техник-смотритель из РЭУ, – прозвучало из-за двери. – Плановая проверка.

Какая, к чертям, еще проверка? Открывать совсем не хотелось. Не открывать было нельзя. Ладно, пусть проверяют. Всё чисто, никаких следов...

Едва дверь распахнулась, тут же выяснилось, что техник заявился не в одиночестве. Его сопровождали двое здоровенных парней в спецовках. Один из них держал в руках потрепанный фанерный чемоданчик, другой – здоровенный разводной ключ. Водопроводчики, надо понимать. Шикунову это совсем не понравилось.

– В чем дело? – неприятно осведомился он, расположившись в прихожей так, чтобы перекрыть подступы к санузлу.

– У жильцов на первом этаже неприятность вышла, – не чинясь, объяснил техник. – Женщина в ванной мылась и обожглась едкой химией. Похоже, фановая магистраль – именно ваш стояк – где-то внизу засорилась. Какая-то химическая гадость поперла... Вышибла пробку стока – и в ван-

ну...

– Какое отношение это имеет ко мне? – еще неприязненнее спросил Шикунов. – Я канализацию не засорил.

Он подозрительно смотрел на техника-смотрителя. Чем-то его лицо показалось знакомым, хотя Паша никогда не видел этого человека.

– А тетка обожженная, – пояснил бородач, – в суд подала на РЭУ. Большие деньги отсудить собирается. Что же нам, за чужие грехи платить? Тут кто-то у вас химическое производство затеял. В одной из восьми квартир, что на вашем стояке... И нагло нарушает все инструкции и правила эксплуатации жилого фонда. Сливают жидкие отходы в канализацию. А она совсем не для того сделана...

– Я ничего не затевал! Никакого производства! – возмутился Шикунов. Голос предательски дрогнул.

– Тогда и проверки нечего опасаться, – резонно заметил смутно знакомый техник. – Давайте, ребята.

Один из ребят надвинулся своей быкообразной тушей на хозяина квартиры. Паша поневоле сделал шаг назад. Второй – бочком, по стеночке – просочился в ванную и тут же чем-то там загремел-загрохотал.

– Не волнуйтесь, – успокаивающе сказал техник. – Соседи ваши говорят, что вы редко дома бываете, какое уж тут...

Его речь прервал копавшийся в стоке водопроводчик, удивленно присвистнувший.

– Глянь-ка, шеф! Что за ерунда? – парень вышел из ван-

ной, в пальцах его темнел непонятный комок.

Паша прищурился, пытаясь разглядеть находку в тусклом освещении прихожей. И увидел – из-под слоя сероватой слизи блеснуло желтым!

Золото!

Черт побери! Он ведь специально посмотрел в энциклопедии: «царская водка» – смесь всё-таки азотной и соляной кислот. А приготовленный им коктейль золото не растворял. И вот результат – недоглядел, и какая-то из золотых побрякушек сучки обнаружилась в сливе... Сейчас придется изображать бурную радость от находки якобы давно затерявшегося кольца или серьги.

Водопроводчик растер в пальцах маленький комочек слизи. И удивленно охнул:

– Фикса! Зуб золотой натуральный!

Паша отреагировал мгновенно и рефлекторно. Резким толчком отшвырнув техника, он бросился к двери, по счастью не запертой.

Не успел.

Сзади схватили, затрещала рвущаяся рубаха. Паша обернулся – ударить, сбросить вцепившуюся руку – и увидел несшийся в лицо тяжелый разводной ключ.

Не стало ничего.

... На лицо лилась струя ледяной воды, затекала в нос, в открытый рот... Паша захлебнулся и разлепил веки, отплевываясь и отфыркиваясь. Струя иссякла.

Шикунов проморгался и узрел собственную ванную комнату – но вывернутую под каким-то немыслимым углом. Через секунду понял, что лежит на дне ванны – точь-в-точь, как совсем недавно Лющенко.

Паша попробовал приподняться – ничего не вышло. Руки и ноги были надежно стянуты. Рот оказался залеплен – по всему судя, скотчем.

Удивиться он не успел. Сверху раздался голос техника-смотрителя – но звучал он теперь по-другому, вовсе не так вежливо, – жестко и грубо.

– Оклемался, крысеныш?

Сверху нависло перевернутое лицо. Как и голос, изменилось оно разительно. Бороды не было! И Паша узнал этого человека!

– Ты убил Ксению, – проскрежетал отец Лющенко. – Убил так, что мне даже нечего похоронить. А проклятые менты не желают заводить дело без трупа. И эта золотая коронка ни в чем их не убедит... Ты хорошо все просчитал, гаденыш. Только не учел одного. Что я живу по принципу – зуб за зуб, око за око... Приступайте, парни! Поосторожнее, на себя не плесните...

Лицо исчезло. Вместо него нависла бутыль. Огромная, из толстого стекла, с винтовым горлышком. Пробки не было. Бутыль поддерживали четыре руки в замызганных рукавах спецовок. Емкость наклонялась – медленно-медленно...

Паша истошно заорал. Из заклеенного рта не вырвалось

ни звука. Но внутри бился отчаянный, проникающий во все закоулки организма вопль – и стал еще громче, когда лица коснулись первые жгучие капли...

2.

Он проснулся от собственного крика. Вскочил с дивана, отшвырнув одеяло. Куда-то и зачем-то бросился, на втором шаге остановился. Сон, всего лишь сон... Но это же надо такому присниться... Паша коснулся рукой разгоряченного лица – казалось, оно до сих пор горит от вылитой кислоты.

Черт! Похоже, температура... Только заболеть сейчас не хватало.

Шикунов опустился на диван, медленно отходя от кошмара. Посидел, перебирая подробности сновидения. Пожалуй, одно рациональное звено там было.

Золото.

Паша наяву заглянул вечером в энциклопедию и уточнил состав «царской водки». Ингредиенты, покупка которых запланирована на понедельник, золото действительно не растворяли. Надо будет снять все, что найдется на шее, на пальцах и в ушах Лющенко. И – как ни противно – придется залезть в рот гадине. Чтобы ночной кошмар не воплотился в реальность.

От этих мыслей Шикунова отвлек банальный озноб. Неужели действительно простудился? Он босиком прошле-

пал на кухню, разыскал аспирин в аптечке, кинул в рот две таблетки, запил водой прямо из носика чайника. Затем посетил туалет, – и сунулся было вымыть руки в ванную. Приоткрыл дверь – и отдернулся. Странно... Днем возился с Лющенко, таскал ее по квартире, поднимал и переваливал в ванну... а теперь не мог заставить себя переступить порог и оказаться в одном помещении с трупом.

Насиловать себя Паша не стал – вымыл руки на кухне, холодной водой. Но подумал, что симптом тревожный. Предстоит большая работа, и нечего тут изображать кисейную барышню.

А для успокоения нервов стоит хорошенько выспаться.

3.

Однако – не спалось.

Шикунов ворочался, в сотый раз обдумывая, что сделано и что предстоит сделать. Но каждый раз мысли сворачивали на приснившийся кошмар – казалось, стоит упустить любую крохотную мелочь – и сон сбудется. Может, в несколько ином виде, может, вместо папаши и лже-водопроводчиков придут люди в милицейской форме – но финал от этого станет не намного приятнее.

Не придут, твердил себе Паша, нету тела – нет и дела. Но спокойнее от этой ментовской поговорки не становилось. Тем более что тело пока наличествовало.

Наконец он скомандовал сам себе: спать! Закрыл глаза и постарался ни о чем не думать.

Но сон не шел. Ночная квартира была полна звуками – тихими, таинственными, на которые днем Шикунов совершенно не обращал внимания.

Сначала его внимание привлекло еле слышное – на грани восприятия – не то поплескивание, не то побулькивание. Вода, всего лишь вода в трубах, – успокаивал себя Паша. Просто-напросто кому-то из верхних соседей ночью приспичило – а потом соседка опростал сливной бачок в канализацию. Наверное, всё так и есть. Но отчего-то казалось, что звуки доносятся из его ванной. Из-за занавески. Звук был такой, словно на рассвете тихо-тихо плескалась в камышах крупная и осторожная рыба. Очень крупная рыба.

Он не выдержал. Вскочил. Бросился к ванной, включая на пути свет – в комнате, в прихожей – напрочь позабыв о светомаскировке.

Рывком распахнул дверь.

И замер.

Голубая пластиковая занавеска ШЕВЕЛЬНУЛАСЬ!

ТЬфу, черт... Всего лишь движение воздуха от резко открывшейся двери. Паша аккуратненько отодвинул самый краешек занавески – увидел мокрые волосы и гладкую поверхность воды. Плеск доносился никак не отсюда. Можно спать спокойно...

Но и на этот раз не получилось. Сколько не стискивал Ши-

кунов веки, сон не шел. Опять донимали звуки. На далекий плеск он уже не обращал внимания, но теперь стал слышаться скрип. Будто кто-то осторожно шагал по паркету – шагнет, постоит, шагнет снова... Причем шагал неведомый кто-то в направлении Паши.

Тот успокаивал себя: паркету тридцать с лишним лет, дерево пересохшее, за день нагрелось, сейчас остывает, поскрипывает... Мысли были логичные, но облегчения не приносили. К тому же скрипу стал вторить какой-то легкий свистящий шорох, который остывающее дерево издавать никак не могло. Больше всего это напоминало... – ерунда, не может такого быть! – дыхание.

Сквозняки, конечно же это сквозняки, воздух сочится в замочную скважину, или в щели неплотно притворенной форточки, обычное дело...

Но почему с такой периодичностью? То возникает, то исчезает?

Потом на кухне включился холодильник – заслуженный ЗИЛ-ветеран – и заглушил всё. Шикунов вздохнул с облегчением.

Но, поработав, агрегат холодильника смолк – и странные звуки возобновились. Теперь к поскрипыванию и свистящему шороху добавилось редкое «кап-кап-кап». Кран, кран на кухне с подтекающей прокладкой... Только почему его не было слышно раньше?

Звуки становились все слышнее, явственнее. И – Паша на-

чал различать какие-то модуляции в шорохе-выдохе. Затаил дыхание, вслушиваясь. Шипение стало громче – или просто приблизилось? – и он с ужасом понял, что это шепот. Свистящий шепот. Казалось, еще чуть-чуть, – и можно будет разобрать слова. Вернее, одно и то же слово...

И очень скоро Паша разобрал его.

– Ш-ш-ш-шикуноф-ф-ф-ф-ф... – прошипело нечто. И снова, после паузы: – Ш-ш-ш-шикуноф-ф-ф-ф-ф...

Заорав, он вскочил. Бросился к выключателю – включить свет, включить музыку, плевать теперь на соседей – и остановился. Вокруг было светло. Утреннее солнце врывалось в окна. Снизу, с детской площадки, доносились звонкие голоса. Стрелки настенных часов подползали к одиннадцати.

Сердце стучало о ребра быстро-быстро, словно для него ночной кошмар продолжался. Паша облизал пересохшие губы. Ну и ну... Интересно, первое пробуждение тоже приснилось? Он прошел на кухню – на столе лежала раскрытая аптечка, рядом упаковка аспирина, двух таблеток не хватало. Шкунов облегченно вздохнул. Значит, он действительно просыпался. Действительно принял лекарство. А потом уснул, сам того не заметив. Не было никаких плесков, никаких скрипов. И никакого кошмарного шепота...

НЕ БЫЛО.

Но одно ясно – ночь на понедельник лучше провести не здесь. Иначе легко и просто можно спятить.

4.

– Паша! Шикунов! – позвал его знакомый голос, но чей – Паша не понял.

Шикунов остановился. Внутри, внизу живота, лопнула емкость с чем-то жидким и холодным – и это жидкое медленно растекалось по всему телу. Примерно так Паша себя почувствовал, когда мать в седьмом классе застала его за мастурбацией. Хотя, казалось бы, в чем сейчас криминал? Идет себе человек с большой сумкой в сторону станции, собрался съездить за город в свой законный выходной...

Он заторможено обернулся.

Тамара. Тамара Владимировна – бывшая одноклассница, его и...

И Лющенко.

– Привет, – бесцветным голосом произнес Паша.

Как некстати... Раньше он любил поговорить с Тамарой – она, женщина на редкость общительная, служила связующим звеном между выпускниками их класса, поддерживая связь даже с уехавшими из района и вообще из города. Даже с редкими стервами, вроде Ксюши Лющенко. И знала всё обо всех.

Тамара подошла. Спросила:

– Ну как твое ничего? – Стандартный для нее вопрос.

– Да все так как-то... – Стандартный обтекаемый ответ

Паши.

– Я слышала, ты на денежную работу пристроился? И... с Ларисой вроде разошелся? Или сплетни?

– От кого слышала? – спросил Шикунов с нехорошим предчувствием.

– От нашей отмороженной Люценки, от кого еще... Вы ведь с ней вроде подружились?

Последнее слово Тамара выделила голосом.

Паша прикусил губу. Растрепала-таки проклятая сучка... Теперь очень многое зависит от того, что он скажет Тамаре. Отрицать всё глупо, подтверждать еще глупее. Ситуация...

– Насчет работы не соврала, – сказал Паша, искренне надеясь, что его бодрый тон звучит не слишком наигранно. И стал рассказывать – достаточно подробно – чем занимается и какие замечательные имеет перспективы.

(Ему действительно посчастливилось встать у истоков зарождающегося дела: пошива подушек и одеял из принципиально новых материалов – холофайбера и фибертека – сменивших синтепон, зарекомендовавший себя не с лучшей стороны. Спрос был бешеный, далеко опережающий растущее производство. Конечно, через год-два с новым материалом будут работать все, кому ни лень, – но до тех пор фирма имела отличные шансы за столбить солидный сектор рынка. А Паша имел не менее отличные шансы сделать карьеру в фирме. Имел, пока вечером пятницы к нему не пришла Люценко...)

Тамара слушала внимательно – она никуда не торопилась, выгуливала свою собаку довольно редкой у нас азиатской породы «тазы». Владимирова вообще умела замечательно слушать... Но свернуть с темы не дала. Едва в Пашиной лекции о замечательных свойствах холофайбера наступила пауза, участливо спросила:

– С Ларисой-то вы в самом деле разбежались?

– По-моему, Люценко выдала тебе желаемое за действительное, – осторожно сказал Шикунов, ощущая себя сапером на минном поле. – Поругались – ушла к маме, дело житейское, помиримся. А наша отморозенная тут же набежала, как гиена на падаль.

В голове билась мысль: насколько глубоко стерва осветила их отношения? Растрепала все до конца? Или ограничилась – как любила делать – лишь многозначительными намеками?

– Замуж девке невтерпеж, – кивнула Тамара, сама состоявшая в законном браке восемь лет – и удачно. – Переспела ягодка. Скоро гнить начнет...

Скорее всего, последняя фраза была сказана без какого-то двойного смысла. Но внутри у Паши все болезненно сжалось. А что, если Люценко повстречалась с Тамарой, когда шла к нему? В последний раз шла? И разболтала, к кому идет? И, допустим, договорилась созвониться на следующий день? Что, если Томка догадалась, а этот двусмысленный вопрос – пробный шар?

– Что с тобой, Паша? Нездоров? Бледный какой-то и кве-

льй...

– Да, похоже, простудился... – не стал врать Шикунов. – Аспирину наелся, вроде полегчало – надо ехать, дела.

Он достал носовой платок, вытер со лба испарину. Демонстративно посмотрел на часы.

– Ладно, не буду задерживать, – поняла намек Тамара. – Удачи тебе. Пусть всё у тебя получится...

Что-то странное почудилось Паше в ее тоне. Что-то весьма двусмысленное...

– И тебе того же, – выдавил он. – Извини, спешу на электричку. Увидимся.

– Обязательно, – прощально кивнула Тамара. Лихим мальчишеским свистом подозвала своего «тазика», прицепила поводок к ошейнику. И крикнула уже в спину удаляющемуся Паше:

– Увидишь Лющенко – передавай привет!

Шикунов споткнулся, с трудом устояв на ногах.

ГЛАВА V. НАВЗРЫД РЫДАЛА КОБЫЛА...

*Нечто страшное, бесформенное,
человекоподобное, прикрытое лишь нижним бельем,
стремительно вылезло из кустов на освещенный
тротуар.*

А. Щеголев «Зверь-баба»

1.

Через двадцать минут он сидел в вагоне электрички, катившей в сторону Царского Села. Над ухом выкрикивали свои заученные наизусть рекламные монологи разносчики всевозможных полезных и нужных товаров. За окном свежей июньской зеленью мелькали поля и деревья. Тягостное чувство, возникшее после встречи с Тамарой, помаленьку отпусало. Конечно же, она ничего не знала и не о чем не догадывалась, и никакой двусмысленности в ее словах не было, все якобы прозвучавшие намеки лишь плод взбудораженного Пашиного воображения...

Он почти успокоился, когда дверь вагона в очередной раз откатилась в сторону – но вместо бродячего продавца в нее протиснулся мужик с баяном, здоровенный и не совсем трезвый.

– Сейчас вам спою, – без обиняков объявил мужик. Тут же растянул меха и заголосил:

Среди украинских просторов,
Среди высоких ковылей,
Филипп Бедросович Киркоров
Скакал на рыжей кобыле...
Он был в голубенькой фуфайке
И в красных плисовых штанах,
Он пел народну песню «Зайка»
Слеза плыла в его глазах...
А в месте том, где эта Зайка
С Максимкой Галкиным ушла,
Мокра была его фуфайка,
Навзрыд рыдала кобыла...

Последние две строчки мужик с чувством проголосил аж три раза. Публика оценила – одни сдержанно улыбнулись, другие от души посмеялись. Мужик стянул с головы засаленную кепку.

– Сограждане! – проникновенно возвестил он. – Помогите самодеятельному артисту похоронить жену! Поминки-то мы уже справили, на полную катушку помянули, – так что хоронить не на что стало! Пожертвуйте овдовевшему артисту, кто что сможет!

И он двинулся по проходу. В подставленную кепку летели монеты и бумажки – достаточно обильно. Похоже, чисто-

сердечное признание – что похоронные деньги все как есть пропиты – нашло отклик в душах сограждан.

Паша попрошайничающих индивидов спонсорской помощью не баловал из принципа – ни «погорельцев», ни «беженцев», ни «обокраденных», ни собирающих «на лечение»... И сейчас тоже отвернулся к окну, проигнорировав протянутую кепку.

Но самодеятельный артист попался настойчивый.

– Помоги, мужик, – обратился он персонально к Паше. – И в правду Маньку зарыть не на что. Лежит в ванной, льдом обложена... Протухнет ведь. Хоть и стерва была, а негоже. Помоги, брат.

Шикунов издал горлом странный хлюпающий звук. Не глядя, выдернул из кармана какую-то купюру, кинул в кепку. Подхватил сумку и выскочил в тамбур. Жадно глотал пропитанный табачным дымом воздух.

Соврал ведь... Умершая (умершая без криминала!) жена может лежать в морге, никак не в ванне. Но... Тогда...

ОТКУДА ОН УЗНАЛ? Как догадался, что Паша перед отъездом высыпал в ванну весь лед, сколотый из изрядно обросшей морозилки? Опять случайность? Опять совпадение?

Шикунов осторожно заглянул в вагон. Мужика с баяном уже не было. Пошел дальше собирать на похороны? Или?..

Паша прижался пылающим лбом к грязному стеклу и твердил, как заведенный: совпадение, совпадение, совпадение...

2.

От Царского Села до Александровской, где Паша снял после возвращения из Казахстана небольшую, приспособленную под жилье временку, автобусом было минут двадцать. Пешком, напрямую, около часа – и Шикунов решил прогуляться.

Убеждал сам себя, что незачем лезть в жару в переполненный автобус, что гораздо полезней и приятней пройтись, подышав свежим воздухом...

Но настоящая причина оказалась иная.

Пашу все больше нервировали окружающие люди. В глазах их читалось знание. Стоило чьему-либо взгляду остановиться на нем – и возникало иррациональное чувство: этот мужчина или женщина знает, что осталось в Пашиной квартире. Что лежит (вернее, что плавает) в ванне.

А пешком – самое милое дело. Километров пять, не больше. Прошагать от вокзала до самого конца Ленинградской улицы, выйти на Кузьминское шоссе, потом через холм, мимо овощебазы и учхоза, – и, считай, добрался.

Но неприятность подстерегала Пашу еще на Ленинградской. Он как раз вышел из «пятерочки» – завернул закупить продуктов на сегодняшний день. Хотя аппетит так к нему и не вернулся... Шикунов затарился, вышел из магазина и бодро пошагал по тротуару, в тени густо насаженных лип. И

тут...

И тут он увидел милицейскую машину. Обычный «жигуль» с большими буквами ДПС. Обычный, да не совсем. Машина не стояла в засаде в укромном местечке, подстерегая неосторожных водителей, решивших газануть по пустынной улице. И не мчалась, включив мигалку, куда-то по срочным и неотложным делам. Медленно и неторопливо – чересчур медленно, по мнению Паши – катила вдоль обочины. Словно патруль что-то или кого-то высматривал.

Шикунов остановился. Отвернулся от машины, сделал вид, что внимательно изучает заклеенный афишами щит. Мысли в голове метались заполошно, как курицы по загоревшемуся курятнику.

ДОМА ЧТО-ТО СТЯСЛОСЬ!

Закоротило проводку и вспыхнул пожар...

Прорвало трубу и залило нижних соседей...

Произошла утечка газа и всё взорвалось...

Короче, стяслось нечто, заставившее людей в форме взломать дверь. И они взломали. И нашли Лющенко. А теперь активно ищут автора натюрморта, обнаруженного в ванной. Он стоял, уставившись на афишу невидящим взором. И ждал, когда на плечо опустится тяжелая рука и неприятный голос попросит документы...

Лишь через пару минут Паша рискнул обернуться. Ментовской машины он не увидел. Покатила дальше, не заметив его? Или имел место очередной акт комедии «Куст и пуганая

ворона»?

Как бы то ни было, с тротуара Шикунов ушел. Двинулся в сторону Кузьминского шоссе дворами.

3.

Хозяев участка, у которых Паша арендовал времянку, на месте не оказалось.

Его сей факт порадовал – вступать с кем-либо в беседы на любые, пусть даже вовсе отвлеченные темы, не хотелось. Шикунов сразу прошел в свой невеликий домишко. Ноги ныли от ходьбы – со всеми обходами оживленных мест дорога заняла вместо запланированного часа целых два.

Зато вернулось исчезнувшее было в последние два дня чувство голода. Причем желудок, казалось, требовал немедленного возмещения всех недополученных порций. Требовал ультимативно, подкрепляя свои запросы болезненными спазмами. Поэтому Паша, едва отперев дверь, устремился к столу – достать припасы и первым делом пообедать. Поспешил, не глядя под ноги – и тут же провалился. В самом прямом смысле слова.

... Фундамент, как таковой, под времянкой отсутствовал. И подвал отсутствовал. Между полом и землей – сантиметров сорок пустого пространства. Да и сам пол был сделан тяп-ляп, на скорую руку – один слой дюймовых досок опирался на балки-бревна, и поверху был прикрыт самым деше-

вым линолеумом – высохшим за годы существования развалюхи до ломкой жесткости. Естественно, от близкого соседства земли доски пола подгнивали. И кое-где прогнили совсем. Одну такую – прогнившую и надтреснутую – половицу Паша обнаружил сразу же, как только снял времянку прошлой осенью. По уму надо было бы отодрать линолеум и заменить доску-другую. Но поначалу как-то руки не доходили, а потом начались нелады на семейном фронте... В общем, Шикунов просто-напросто привык не ступать на опасное место. А теперь вот запомнил, поспешил, – и банально провалился.

Черт! Паша выругался почти облегченно, освобождая конечность (слава Богу, целую и невредимую) из плена. Удалось это не сразу. И треснувший линолеум, и проломившиеся доски были направлены внутрь, и сработали, как горловина сетки-мережи – в которую рыба заходит свободно, а обратно выйти не может. Но после пяти минут возни и приглушенных матерков Хомо Сапиенс доказал-таки интеллектуальное превосходство над безмозглыми рыбами...

Из темного отверстия в полу тянуло холодком и неприятной затхлостью. Как из могилы, подумал Паша. Из раскопанной могилы... Тут же пришла непрошенная мысль – Лющенко вполне бы поместилась тут, под полом. Отодрать доски, выкопать яму, аккуратно всё заделать, – и никто даже случайно не натолкнется на останки. Паша начал размышлять, в какой части времянки можно отодрать настил неза-

метно... Потом спохватился – план действий продуман и принят, нечего отвлекаться. Все равно он никогда не решится вытащить из дому Лющенко – ни целую, ни по частям.

И Шикунов приступил к обеду – хлеб, консервы, две бутылки пива... Объявившийся было аппетит вновь исчез. Паша запихивал в себя куски и жевал совершенно механически, не чувствуя вкуса... Зато пиво пошло очень в тему. Он даже подумал: стоило вчера выпить стакан-другой водки, прежде чем подступать с тесаком к Лющенко. Глядишь, и сумел бы...

Впрочем, вполне возможно, что водка еще понадобится. Растворять труп в кислоте – тоже занятие с непривычки весьма нервирующее.

4.

По большому счету, никаких дел в Александровской у Паши не нашлось.

Хотя, при желании, заняться было чем. Внутри времянка сейчас напоминала не то склад найденных вещей, не то хозяйство известного помещика Плюшкина: повсюду громоздились не распакованные картонные коробки, о содержимом многих и сам Паша не имел точного представления – после окончательного переезда из Казахстана выяснилось, что его питерская квартирка никак не может вместить все имущество, накопленное за шесть лет жизни на два дома.

Но сейчас разобраться со всем бараклом желания не возникало. Тем более что вполне реальным стал раздел имущества – и жизнь на два дома уже в Питере. Причем новый дом Шикунова вполне мог оказаться тесным, лишенным многих удобств и населенным весьма неприятными людьми... Не дождетесь! – оборвал он свои мысли со злобой, неизвестно кому адресованной.

Однако снасти Паша, заядлый рыбак, распаковал и аккуратно разложил по приезду первым делом. И сейчас он прихватил удочку, вышел в огород. С лопатой возиться было лень, Шикунов набрал червей, переворачивая лежавшие на земле чурбаки и доски.

И отправился на рыбалку, благо Кузьминка текла буквально под домом – достаточно отпереть калитку и спуститься с высокого берега.

Рассудил Паша просто: рыбная ловля – самое подходящее занятие в нынешнем его состоянии.

Успокаивающее.

5.

Но успокоиться, отрешиться мыслями от оставшейся в квартире Лющенко не получилось.

Кузьминка в поселке больше напоминала ручей, неширокий и неглубокий, приличная рыба заходила сюда только весной, в полу юю воду. И Паша отправился выше по течению –

туда, где речка струилась под сенью нависших деревьев, служа естественной границей Александровского парка. Там, в достаточно глубоких, с медленным течением омутках, можно было и летом попытаться выудить что-либо стоящее...

Однако – не сложилось.

На первом же омутке – идеально круглом, появившемся много десятилетий назад после падения в речку авиабомбы немалого калибра – в голову полезли непрошенные мысли.

Место тут глухое, думал Паша, гуляющие по парку сюда не забредают, а купаться местные мальчишки ходят на плотину... Из рыболовов лишь он один облюбовал это местечко. И если опустить на дно омута-воронки утяжеленный камнями мешок с... известно, с кем, – успех дела практически гарантирован. Весной занесет песком и илом – и всё. Нету тела, нету дела. Ищите вышедшую из дома и не вернувшуюся.

За этими мыслями Шикунов как-то упустил из виду поплавок. А когда собрался перезабросить удочку – обнаружил голый крючок без малейшего остатка червяка. Или забыл насадить? Забросил просто так, чтобы выставить нужную глубину?

Он не помнил.

Плохи дела... Дохлая стерва прочно оккупировала мысли. Ничем от нее, заразы, не отвлечься...

Паша собрался было поискать менее подходящий для захоронения омуток – тут же натолкнулся взглядом на свежую, осыпавшуюся с берегового обрыва землю, подумал, что ни-

кому и в голову не придет здесь рыться в поисках чего-либо криминального...

Он мысленно завыл. И стал твердить про себя два слова – как заклинание, как припев привязавшейся песенки: ванна и кислота, ванна и кислота, ванна и кислота... Никакой земли. Никаких мешков с камнями. Ванна и кислота.

Твердя свое заклинание, Шкунов отправился на другое место – там было мельче, сквозь слой воды проглядывало дно с зеленеющими кустиками водорослей. Никого тут бесследно не спрячешь. Ванна и кислота.

Наконец удалось сосредоточиться на ловле – подкидывая удочку под противоположный берег, под нависшие ветви, Паша даже сумел дожждаться чьей-то поклевки. Подсек с запозданием – пусто; насадил нового червя, собрался закинуть туда же. И тут...

И тут Шкунов увидел нечто. Нечто находилось именно там, в тени под ветвями, лишь чуть подальше. В воде. И больше всего напоминало...

ТРУП.

Зацепившийся за корягу труп – чуть-чуть выступающий над поверхностью. Точь-в-точь как Люценко в его ванне...

Удилище хлопнулось в воду. Паша протер глаза, не заметив, что пальцы испачканы в земле после возни с червями. Не помогло. Нечто никуда не исчезло, не обернулось минутным мороком, игрой света и тени...

Не бывает таких совпадений!

Во рту пересохло, Паша делал судорожные глотательные движения – чувство было такое, будто рот и глотка набиты обрезками наждачной бумаги.

Он медленно, пятясь, отступал от берега, напрочь позабыв про удочку. Потом развернулся и побежал.

6.

Крепких спиртных напитков на витрине местного ларька не обнаружилось, лишь пиво и прочие джин-тоники. Но Паша пару раз видел отходящих отсюда мужиков с поллитровками. Спросил коротко: «Есть?» – и вскоре стал обладателем заветной емкости.

Тут же, отойдя на полсотни шагов от ларька, приложился к горлышку. Водка оказалось паленой. Смесь воды и плохо очищенного спирта долго болталась вверх-вниз по пищеводу, Шикунов притиснул ее сверху купленным там же шоколадным батончиком. Проскочила.

Он отхлебнул еще пару раз, прошло уже легче. Присел на валяющийся неподалеку ствол спиленного тополя, стал ждать результата. Тот не задержался...

Как ни странно это звучит, но выпитая отравка помогла мыслить куда более трезво. Иррациональное убеждение: там, в речке, плавает именно Лющенко, неведомо какими путями туда угодившая, – было признано полным бредом.

Чуть более возможным, но тоже бредом, была признана

и другая мысль: в Кузьминке обретается совершенно левый, посторонний труп. Слишком уж невероятное потребовалось бы стечение обстоятельств...

Значит – показалось. Привиделось. Померещилось. Надо пойти и убедиться, что воображение сыграло с Пашей дурную шутку. Однако никуда идти и ни в чем убеждаться не хотелось.

С тополя Шикунов поднялся, только отхлебнув еще одну изрядную дозу универсального лекарства. И поплелся убеждаться – зайдя по дороге во времянку и облачившись в болотные сапоги.

На удочку никто не покусился, лежала где лежала, верхним концом в воде. К берегу Шикунов подошел осторожно, всмотрелся. Ну да, темнеет что-то непонятное. Ну да, похоже на мокрую тряпку...

Вздохнув, он перебрался на другой берег вброд по мелкому перекатику. Долго продирался сквозь заросли краснотала. Увидел сквозь просвет листьев свое удилище, протиснулся к самой воде.

Оказалось, что нечто – кем-то выброшенный самый обычный халат. Рабочий, темный. Без какого-либо содержимого, если не считать ила, песка, веточек, почерневших, гнилых прошлогодних листьев и прочего донного мусора. Стоило так мучаться? – спросил себя Шикунов. И сам себе ответил: стоило. Все-таки смог, переступил, перешагнул какой-то внутренний барьер. Значит – сможет и все осталь-

ное...

На всякий случай – во избежание очередных ночных кошмаров – Паша совершил еще один рейс к ларьку и запасся еще одной порцией дешевой отравы.

... Помогло. Спал он здоровым алкогольным сном, без каких-либо сновидений.

ГЛАВА VI. ШОУ С ПЕРЕОДЕВАНИЯМИ И ИСЧЕЗНОВЕНИЯМИ

*Жанна погладила его раскаленными пальцами.
По лбу, по щекам, по шее. Потом, растянув
ему пуговицы рубашки, обожгла прикосновениями
живот.*

А. Щеголев «Ночь, придуманная кем-то»

1.

Как часто в жизни бывает, опасался Паша напрасно.

Даже врать про забытый дома паспорт не пришлось. Менеджер фирмы «Балт-Реактив», узнав, что оплата предстоит наличными, спросил напрямую: «Документы нужны?»

Шикунов поначалу не понял. Как же такие вещи можно покупать-продавать без документов?

Менеджер пояснил: «Без чека и счет-фактуры на пять процентов дешевле. А накладную на перевозку дадим, на случай если менты останоят».

Паша согласился, что такой вариант для него предпочтительней. Менеджер громко и радостно оповестил кого-то невидимого, сидевшего за перегородкой: «Кира, оформляй

на предпринимателя Милейкина! » И тут же успокоил: «Нет-нет, в товарно-транспортной будете вписаны именно ваша контора. Как вы там называетесь? »

Липовая контора, чья липовая печать стояла на липовой доверенности, именовалась ООО «Сириус», о чем Паша и сообщил. Менеджер недрогнувшей рукой вписал название в накладную – и наверняка тут же его позабыл. Да и то сказать, большинство людей, регистрирующих предприятия, не иначе как мечтали стать в детстве космонавтами. По крайней мере к звездам их тянет до сих пор – и в результате в самых разных сферах предпринимательской деятельности плодятся как кролики «Веги», «Альтаиры», «Мицары», «Сириусы», «Антаресы» и примкнувшие к ним «Орионы».

Судя по всему, с этой стороны на Пашу и на его не совсем ординарную для частного лица закупку никто не выйдет. Если люди в погонах попробуют дернуть за эту ниточку – пускай. Пусть ищут неведомого предпринимателя Милейкина.

А Паша-то, дурак, дрожал как осиновый лист. Даже переделся на даче – в «Балт-Реактив» он поехал прямо оттуда – напялил куртку-ветровку невообразимо яркой, ядовито-красной расцветки. Где-то и когда-то Шикунов вычитал, что человеческий мозг так устроен: фиксирует – в целях последующей идентификации – самую характерную черту имиджа незнакомца. В данном случае – наповал бьющую по глазам куртку. А остальные детали внешности не запоминает. Выходит, маскарад затеян напрасно. Хотя тут лучше пересо-

лить...

Тем временем менеджер пересчитал протянутые Пашей деньги, выписал еще одну бумажку – внутреннюю накладную – и отправил Шикунова с нею на склад.

Шагать пришлось порядочно. «Балт-Реактив» арендовал помещения у одного из огромных – настоящий город в городе – химкомбинатов промзоны. Зданий на необъятной территории было множество. И не только зданий. За высоченный забор угодил и кусок умирающего леса, и даже водоем изрядных размеров – разлив речки Охты. Запах от водоема шел неприятно-химический, и Паша подумал, что от просроченных и пришедших в негодность химикатов здесь избавляются самым простым способом – сливают втихаря в реку...

Он шел берегом отравленной Охты и ликовал: до чего же всё удачно сложилось! Но одновременно где-то глубоко шевелилась и неприятная мыслишка. Это что же получается? Любой террорист этак может закупить самой ядовитой химии, пробраться на водопроводную станцию, и... Ладно, пусть о таких вариантах думают те, кому за это деньги платят. А у Паши задача простая: сегодня же начать процесс перевода Лющенко в новое агрегатное состояние.

В жидкое.

2.

– Я вот всё репу чешу: и зачем людям стоко кислоты? – задумчиво спросил лысый и пузатый не то кладовщик, не то завскладом.

Паша похолодел. Голова стала пустой и звонкой. И в звенящей пустоте мелькнул спасительный ответ.

– Кому зачем, – сказал он, умудрившись не дрогнуть голосом. – Кому для жены, кому для тещи...

Это была концовка весьма бородатого анекдота, но кладовщик долго гыгыкал, колыхая жировыми складками. И удалился в недра склада, идиотских вопросов больше не задавая.

Через двадцать минут Паша стал законным владельцем двух двадцатипятилитровых бутылей с кислотой азотной (хч) и четырех аналогичных емкостей с кислотой серной (чда). Что означали эти указанные в скобках буквы, стоявшие и в прайс-листе, и в накладной, Шикунов не имел понятия. Подозревал, что степень очистки и количество допустимых примесей.

Но Паша здраво рассудил, что для стервы Лющенко чистота продукта теперь куда менее важна, чем крепость, – и выбирая товар, ориентировался лишь на то, чтобы цена напротив названия стояла поменьше. Оптовые цены на кислоты, честно говоря, оказались невелики. С учетом тары (что-

бы не мелькать потом у подъезда с огромными оплетенными бутылками, пришлось доплатить за деревянные ящики, упирая на предстоящую пересылку) Шикунов выложил немногим больше двух с половиной тысяч рублей. Дешевка. Стандартные – с гробом, венками, местом на кладбище и т. д. – похороны Лющенко наверняка бы обошлись на порядок дороже...

– Транспорт у вас здесь? – спросил кладовщик, начав оформлять пропуск на вывоз материальных ценностей. – В смысле – на территории?

– Нет, оставил за воротами, – сказал Паша. – Доставите до проходной? – кивнул он на ящики с бутылками.

Конечно, нанятую за разумную сумму «Газель» куда проще было подогнать прямо к «Балт-Реактиву». Но тогда, во-первых, и ее номер, и грузоотправитель, и грузополучатель (пусть и липовый) были бы записаны охраной. Во-вторых, водитель узнал бы, что и откуда вез. А так – поди догадайся, кто и что вывозит с территории комбината. Фирм-арендаторов тут немерено.

Кладовщик долго ворчал: у тележки, дескать, отломалось колесо, а сварщик без бутылки приваривать никак не желает; похмельные же грузчики запропастились неведомо куда, а отлавливать их по всей территории в его обязанности не входит, его дело – отпускать товар, и вообще...

Протянутая сторублевка тут же оборвала нитьё толстяка и кардинальным образом изменила ситуацию. Мгновенно на-

шла и исправная тележка, и два грузчика – на вид, действительно, весьма похмельные. Паша, тоже после вчерашнего находившийся не лучшей форме, мысленно им посочувствовал, но денег больше не дал. Пускай кладовщик делится.

Чем ближе груженная кислотой тележка приближалась к проходной комбината, тем тревожнее становилось Шикунову. Казалось, что сейчас, именно сейчас, все сорвется. Все рухнет под откос. Охранники на проходной изучат вдумчиво накладную, посмотрят повнимательнее на бледное Пашино лицо, и... И всё. Каюк. Капут. Попросят пройти для выяснения личности, и позвонят куда надо, и байками о позабытом паспорте уже не отделаешься, и рано или поздно всплывет лежащая в ванне Лющенко. Она всплывет. А Паша утонет. Навсегда утонет...

Картинки провала в самом финале успешно проведенной операции вставали перед его мысленным взором такие яркие, что Паша чуть было не смалодушничал. Чуть было не сунул пропуск и накладную грузчикам, предоставив им пересекать последний барьер в одиночестве. Но сдержался.

Всё прошло гладко.

Охранник, пенсионных лет мужичонка – камуфляж смотрелся на нем маскаратно – небрежно сосчитал места груза:... четыре, пять, шесть... – всё в порядке. Нажатием кнопки открыл ворота, тележка выкатилась наружу. Вскоре ящики перекочевали в кузов «Газели».

И только когда проходная комбината исчезла из вида.

Паша мысленно завопил: ПОЛУЧИЛОСЬ, БЛЯ, ПОЛУЧИЛОСЬ!!!

И дальше всё получится.

3.

Как ни хотелось побыстрее НАЧАТЬ (точнее говоря, побыстрее ЗАКОНЧИТЬ), сразу к своему дому Шикунов не поехал. Попросил высадить его на Светлановском проспекте, неподалеку от рынка, – где после десятиминутного голосования поймал другую машину, «форд»-микроавтобус. И лишь тогда назвал водителю свой настоящий адрес. Мало ли кто и какой товар везет с рынка?..

Всё, последняя тонкая ниточка, что вела от «Балт-Реактива» к его ванной, оборвана. Через двое суток не останется ни единого следа, ни единой улики.

Всего двое суток...

Целых двое суток...

Надо как-то прожить эти сорок восемь часов, пока стерва будет переходить в пригодное для перекачки по трубам состояние. Не свихнуться от ночных звуков и кошмаров, не шарахаться от милицейских машин и случайных прохожих.

Проживу, уверенно подумал Шикунов. Не свихнусь. Не стану шарахаться...

Теперь – не стану.

... От помощи водителя он отказался – береженого Бог

бережет, незачем светить квартиру. Сделал с улицы несколько коротких рейсов с ящиками к лифту, потом несколько таких же перебежек к двери квартиры. Повезло – никого ни на площадке, ни на лестнице не встретил, позднее утро, все спешащие на учебу или работу уже прошли... Заботливо приготовленная легенда: мол, знакомые наконец прислали из Казахстана не поместившиеся в контейнер вещи, – пропала зря. И чудненько, чем меньше врешь, тем меньше шанс проколаться.

Наконец, ящики с бутылками встали аккуратным штабелем в прихожей. Пора за работу. Выловить труп из ванной, слить воду, протереть насухо. Не забыть про парафин! Залить дно, сток и пробку расплавленными свечами. Вернуть труп на место, облачиться в ОЗК и респиратор, – и тоненькой струйкой опрастать в ванну содержимое всех шести бутылей.

И всё. Дальше процесс пойдет без его участия.

Хотя нет, будут еще газообразные выделения, надо заткнуть все щелки влажной тряпкой... Впрочем... Да, скотч для зимней заклейки окон подойдет еще лучше. Вся вонь пойдет через вентиляцию, на крышу. Едва ли там кто-то будет гулять и принюхиваться... И можно ехать на работу, отпросился он только до обеда.

Ладно, план прост и понятен, приступаем к выполнению.

Паша вооружился гвоздодером, вскрыл ящики, достал бутылки. Затем разыскал старое, протертое одеяло, расстелил

на полу ванной – дабы не слишком натекло с мокрой одежды (кстати сказать, холодная вода и немалая порция льда сделали свое дело – никакого трупного запаха Шикунов, распахнув дверь ванной, не ощутил).

Так, теперь выживаем нашу русалку...

Черт, не забыть бы про золото, особенно про... – мысленно сказал себе Паша, отдергивая занавеску.

– Про зубы... – закончил он вслух, застыв на месте.

Тела в ванне не было.

Не было.

НЕ БЫ-ЛО.

Он издал булькающий горловой звук. Выскочил из ванной, пробежался по комнатам и кухне – отдернул шторы с окон, заглянул под кушетку, за шкаф... Никого и ничего.

Медленно, старческими шагами вернулся в ванную. Непонятно зачем пошарил рукой в воде – словно хотел нащупать опустившуюся на дно Лющенко.

Хотя дно ванны было прекрасно видно сквозь прозрачную воду. И ничегошеньки там, на дне, не лежало...

Шикунов медленно сполз на расстеленное одеяло. Ударился головой о кафель стены – и еще раз, сильнее, и еще раз – в дикой надежде, что съехавшие набекрень мозги встанут сейчас на место и в ванной обнаружится то, что должно, просто ОБЯЗАНО там находиться... После пятого удара – голова гудела погребальным колоколом – Паша заглянул через борт.

ТЕЛА НЕ БЫЛО.

Тогда Шикунов зарыдал.

Как кобыла Филиппа Бедросовича Киркорова.

4.

Мир исчез.

Привычный мир – в котором Паша Шикунов прожил почти двадцать девять лет – куда-то подевался. Был он, мир, конечно, не идеален. Хватало в нем жизненных неприятностей самого разного плана. Но он был хотя бы реальным. И – в неких своих основополагающих закономерностях – вполне предсказуемым.

Если в нем, в потерянном мире, выпрыгнешь в окно – то упадешь вниз, никоим образом не зависнув в воздухе и не воспарив к небесам. Если все-таки паришь – значит, видишь сон, и обязательно вскоре проснешься. А если оставишь мертвое тело в ванной квартиры, запертой и поставленной на сигнализацию, – то именно там его, тело, и обнаружишь по возвращении...

Теперь мир исчез. Вместе с пресловутым мертвым телом.

Шикунов – маленький, беспомощный и дрожащий – очутился в совершенно непонятном и опасном НИГДЕ. Не было ничего – ни времени, ни пространства. Не существовало стен и дверей, вообще никаких предметов, – одни видимости и кажимости. К примеру, видимость кафельной стены,

на которую Паша сейчас бессильно навалился всем телом, могла быть чем угодно. Абсолютно всем: стволом пальмы, или бурчащим брюхом переваривающего сытный обед Бармаглота, или очередной инкарнацией Митрейи Будды... А могла не быть ничем. Могла существовать лишь в мозгу Шикунова, одиноко повисшем в первозданной пустоте. И видимость здоровенной шишки, вздувшаяся на видимости черепа от ударов о призрачную стену, тоже могла существовать лишь в его воображении и больше нигде...

Впрочем, имелся и альтернативный вариант. Пашу он вдохновлял даже больше. А именно – мир остался прежним. Лишь один из его обитателей банально сошел с ума. Угадайте с трех раз: кто? Вы правы, конечно Паша Шикунов.

Честно говоря, мысль нравилась. Ободряла и согревала. При таком раскладе ничего не надо делать. Полностью отпадает нужда в постановке масштабного эксперимента, выясняющего подробности взаимодействия концентрированных кислот с органической материей. К чему? Раз Лющенко не умирала... А может, ее и не было никогда. Может, как и всё остальное, она лишь продукт больного мозга. Равно как ее папаша-садист со своими мордоротами...

И это здорово. Рано или поздно Шикунова найдут и будут лечить. Возможно, даже вылечат. Если нет – не беда. Главное – ничего не надо будет делать. В том числе ломать голову над сводящими с ума проблемами...

А может, все обстоит еще лучше. Может, его уже нашли?

Уже лечат? Может вся бредовая пьеса, последовательно разворачивающаяся перед ним, – побочный эффект электрошока или бьющей по мозгам врачебной химии?

Идеальный вариант – по сравнению с существованием в диком мире, где трупы вылезают из ванны и отправляются куда-то по своим мертвячьим надобностям, пройдя между делом сквозь крепко запертую металлическую дверь...

Есть и другая возможность. Шикунов никогда не употреблял наркотики – лишь пару раз в Казахстане побаловался травкой за компанию. Даже «Момент» в детстве не нюхал. Но, возможно, – чего на свете не бывает – кто-то уговорил его причаститься? Говорят, от синтетических галлюциногенов бывают вполне реалистичные глюки. До определенного момента и не отличишь от яви...

В любом случае, предпринимать ничего не стоит. Надо тихо и спокойно ждать, когда все кончится. Когда морок рассеется и возникнут обитые мягким стены палаты. Или что угодно еще – лишь бы не эта наполовину заполненная водой ванна...

Он закрыл глаза и стал ждать. И очень быстро провалился в сон, больше напоминающий беспомыслие...

ГЛАВА VII. НЕТУ ТЕЛА – НЕТ И ДЕЛА?

И сразу кастрюлю с кипятком ему на голову – у них суп удачно на плите варился. Потом лезвие в шею – хряк.

А. Щеголев «Ночь навсегда»

1.

Звук зародился где-то в глубине иной Галактики, за миллионы парсеков от Шикунова. И долго-долго добирался до него. Но добрался. Еще тьма эпох потребовалась, чтобы идентифицировать сигнал далекой цивилизации как обычный телефонный звонок.

Шикунов поднялся и направился к аппарату. Кто звонит, зачем, какие от звонка могут быть последствия, – его совершенно не волновало. И отвечать не хотелось. Но в какой-то части мозга сохранился нехитрый алгоритм – что надо делать, когда звонит телефон. И Паша выполнил нужную последовательность действий без единой мысли в голове.

В трубке раздался голос. Паша долго соображал – чей. Очень долго. Понял лишь к середине диалога. Вернее, не диалога, но прерываемых молчанием Шикунова реплик со-

беседника.

– Пашка, ты там живой? Я жду, жду... Обещал же подъехать к половине второго!

Паша молчал.

– Забыл, что у нас сегодня две презентации для медиков?

Паша молчал.

– А у тебя, между прочим, вечером еще встреча с Виктором! Тоже забыл?

У Шикунова родились наконец два слова:

– Я болен, – сказал Паша.

Сказал так, что человек на другом конце провода ему сразу поверил. Голубев, вспомнил вдруг Паша, – звонил Антон Голубев, в какой-то иной жизни, в нормальном мире бывший вице-директором и непосредственным начальником Шикунова.

– Я ОЧЕНЬ болен, – снова сказал Шикунов.

– А-а-а... То-то я чувствую, что голос как у помирающей лебеди... Ладно, с презентациями тебя прикрою, но Виктора будешь додавливать сам – я стрелку перезабыю. Всё, не буду мешать, поправляйся... Если до завтра не помрешь, позвоню с утра, узнаю: как и что.

Вице-директор хохотнул собственной плосковатой шутке и отключился.

– Я очень болен, – тупо повторил Паша пиликающей трубке.

2.

Коньяк был хорош – «Арарат» десятилетней выдержки. И приберегался для какого-нибудь особого случая. Но поскольку иных спиртных напитков в квартире не нашлось, – Шикунов недрогнувшей рукой вскрыл бутылку. Да и то сказать – случай приключился никак не ординарный.

Способность мыслить вернулась минут через десять после второго опорожненного стаканчика. И мысли оказались паршивые.

Если в мире по-прежнему существовали презентации холофайбера и заместитель главы администрации Викторюк, то трупы самовольно не могут менять дислокацию. Не способны. Разгуливающие мертвецы и лоснящаяся харя Викторюка в одном пространстве-времени не совместимы. Надо выбрать что-то одно, какую-то единую систему координат. И попытаться в ней, в этой системе, что-то предпринять...

После короткого раздумья Паша решил пока остаться в том же мире, что и Викторюк А. М. – пусть тот подлец, пусть взяточник, но личность насквозь реальная и приземленная...

Отставить панику! Пропало тело – будем искать. Просто так трупы не исчезают. Значит – кто-то обнаружил и забрал Лющенко.

КТО и ЗАЧЕМ?

Пожалуй, на первый вопрос ответить легче. Служба, профессионально занимающаяся сбором трупов, если и обнаружит вдруг бесхозный, – немедленно известит службу другую, плотно интересующуюся теми, кто за появление оных трупов ответственен. При таком раскладе Пашу в квартире поджидала бы не только опустевшая ванна. Но и грубые, бессердечные люди, норовящие врезать дубинкой по почкам и защелкнуть на запястьях специзделие, неизвестно отчего названное «Нежностью»...

Значит, вариант с государственной структурой отпадает. Значит, налицо чья-то самодеятельность. Значит, можно еще побарахтаться...

Но кто мог оказаться – этак случайно, прогуливаясь – в запертой Пашиной квартире?

Ответ прост: человек, либо имевший ключи, либо умеющий попадать в запертые помещения без таковых.

Ключи – теоретически – в настоящий момент были лишь у Шикунова. Все три связки. Но это теоретически...

Первый вариант (тут же дающий первую подозреваемую): Лариса, до того как вернула два комплекта – свой и тещин – сделала дубликаты. Для чего? А черт ее знает. Может, чтобы зайти, когда Паша должен находиться на службе, – и поделить вещи без его пригляда, по своему разумению. Вполне реально.

Хорошо. Допустим.

Итак, сегодня утром, – свято уверенная, что Паша на ра-

боте, – в квартиру заявила Лариса.

И?..

И узрела плавающую в ванне Лющенко.

А вот дальше начинается непонятное. Ну никак не мог Паша представить, что Лариса (как? каким способом?) умыкнула из квартиры труп! Да и зачем?

Зачем? – это уже второй вопрос, поправил себя Шикунов.

Второй вариант (и вторая подозреваемая): тёща, ненаглядная Раиса Евсеевна. Ключи лежали у «бабы Раи», как называют ее дети, почти год – между смертью Пашиной матери и возвращением дочери, зятя и внуков из Казахстана. И потом лежали – до позавчерашнего дня. Уж хватило бы времени при желании сделать дубликаты.

Неясность та же: ЗАЧЕМ бесхозный труп понадобился женщине предпенсионных лет?

Загадка природы. Насколько Паша за шесть лет знакомства узнал свою ненаглядную тещу, та бы просто хлопнулась в обморок тут же, в ванной. Или бросилась бы вон из квартиры, подняв на ноги всю округу паническими воплями. Но уж никак бы не прикарманила мертвое тело...

Вот, собственно, и всё. Других легальных обладателей ключей не наличествует. Стоит подумать о нелегальных. Тем более что на ум пришло слово, вполне способное дать ответ на вопрос: зачем?

ШАНТАЖ.

Банальный шантаж. Вот о нем-то и надо хорошенько по-

размыслить...

Но сначала Шикунов решил подкрепиться. Аппетит, совсем от рук отбившийся в последние двое суток, вновь появился, – и весьма зверский. Одичал, где-то шляясь. Или это коньяк, с удобством расположившись в пустом желудке, скушал без компании.

Как бы то ни было, Паша вполне уверенными шагами – еще раз спасибо «Арарату» – отправился на кухню.

И замер возле холодильника. Остолбенел.

3.

Вообще-то на кухне стояли два холодильника.

Старый ЗИЛ, появившийся на свет в те времена, когда страна победившего социализма уверенно вела соединившихся пролетариев всех стран к окончательной победе в мировом масштабе. Характер у ЗИЛ-ветерана был, как у пенсионера-зюгановца – включившись, долго и шумно бурчал, проклиная новые времена и попрание идеалов. К тому же, как старичкам и положено, заслуженный холодильник часто болел. В смысле, ломался.

Лариса после приезда не раз намекала, что купить что-нибудь поновее и понадежнее окажется в итоге дешевле, чем тратиться на регулярные ремонты. Паша отмахивался: мол, послужит еще, – он в то время не оставил надежду обзавестись автотранспортом в самое ближайшее время.

Потом, когда семейная жизнь стремительно рассыпалась на осколки, Шикунов неожиданно приобрел на «автомобильные» новехонький высоченный «Индезит»... Тогда же Паша затеял и ремонт, и покупку стиральной машины-автомата, и что-то еще того же плана, – в безрассудной надежде всё спасти и всё поправить.

Ничего не получилось...

Однако новый холодильник остался, соседствуя с ЗИ-Лом-коммунистом – того Шикунов планировал перебазировать в Александровскую, привести времянку в жилой вид, выезжая надолго всей семьей в теплое время – благо на работу ездить из ближнего пригорода ничуть не дальше, чем из отдаленного спального района... Думал, как будет по утрам ходить с Натусиком за грибами в Баболовский лесопарк, как откроет Пашке-младшему все заветные рыбные местечки на Кузьминке...

Мечты, мечты... Лишь новенький холодильник от них и остался.

Теперь Шикунов стоял перед «Индезитом», чувствуя, как коньячное тепло сменилось где-то в низу живота мертвенным холодом. Он увидел вынутые из нового холодильника полки – небрежно сложенные на подоконник.

И понял, ГДЕ Лющенко.

Пробежавшись в панике по квартире, он попросту не успел заглянуть во все способные вместить тело углы. О многих просто не подумал, в таком был шоке.

А теперь он понял – Лющенко ИМЕННО ТАМ. В новом холодильнике. Стоит взяться за ручку, потянуть, – и перед глазами объявится ее труп во всей своей красе: мокрые, слипшиеся волосы, открытые глаза. И губы, так любившие шипеть: пло-х-х-х-хой мальчиш-ш-ш-ш-ка...

Нижняя камера «Индезита» вполне способна вместить мертвое тело – благо продуктов там чуть. Достаточно вынуть полки и подогнуть труп ноги. Трупное окоченение, по Пашиным прикидкам, должно было пройти – хотя разбирался он в этих делах слабо...

Надо протянуть руку, открыть дверцу, – и убедиться, что все так и обстоит. Но Паша не мог. Не мог себя заставить. Он и без того был уверен.

И в самом деле: ну кто же потащит труп под мышкой – солнечным июньским днем и по людным улицам? Случайный вор-домушник, решивший заработать шантажом?

Ерунда.

То есть не всё ерунда – и вор, и шантаж более чем вероятны. Но к чему прогулки с трупом? Достаточно сделать несколько фотоснимков и переложить труп – что бы хозяин сего предмета сразу понял, что к чему, чтобы впал в панику, чтобы за день-другой дошел до нужной кондиции, до готовности расстаться с деньгами.

Конечно, «на дело» домушники с фотоаппаратами не ходят. Им фотолетопись своих подвигов ни к чему. Но беда в том, что Пашина «мыльница» с недощелканной пленкой ле-

жала не то чтобы совсем на виду, но в бельевом шкафу, за стопкой белья – привычка с тех времен, когда от годовалого Паши-младшего приходилось прятать ценные хрупкие вещи... Именно в таких местах, как было известно Шикуну из детективов, квартирные воры первым делом ищут деньги и драгоценности...

... Он протянул руку. Дрожащие пальцы коснулись белой пластмассы, показавшейся отчего-то невероятно холодной. Коснулись – и тут же отдернулись. Открыть холодильник Паша не смог.

Вместо этого отправился в большую комнату, к шкафу. Долго шарил в нужной полке – справа, слева, посередине – разозлился и вывалил все белье на пол.

«Мыльница» не нашлась.

Версия с домушником обрела реальность. Или?..

Он вернулся на кухню, отхлебнул еще коньяка. Закончил мысль:

Или фотоаппарат забрала в свой последний приход Лариса. Шикун, хоть убей, не мог вспомнить, что именно она в субботу укладывала в две большие сумки. Смотрел тогда и не видел. До того ли было, когда в ванне валялась Лющенко?

Позвонить, спросить?

А если все-таки труп переложила она? Или ее мать?

Паша вновь долгим глотком приложился к горлышку бутылки. Хорошая штука, из горла и без закуси идет за милую душу... Внутри опять потеплело. Используя недолгий миг

коньячной решимости, Шикунов резко распахнул дверцу. Труп в холодильнике не было.

4.

Он сидел на табуретке, заморожено уставившись в белое нутро «Индезита».

Если Люценко сюда не запихивали, то кто и зачем вынул полки? Может, попытались впихнуть – но не получилось? Может, трупное окоченение длится дольше, чем смутно помнилось из прочитанных детективов Паше?

Возможно, возможно...

Но есть и другой вариант. Когда Шикунов лихорадочно метался по квартире, собираясь в Александровскую, – у него ведь гвоздем в голове засела мысль о процессе разложения и о сопровождающем сей процесс запахе. И Паша настойчиво искал способ, как избегнуть и того, и другого.

Запихать труп в холодильник – мысль вполне логичная при таких исходных данных. Допустим, к ее исполнению Паша и приступил, вытащив полки. Но потом остановился на более эстетичном и гигиеничном варианте (продукты из холодильника, приютившего Люценко, в глотку потом все равно бы не полезли). Однако именно холодильник натолкнул Шикунова на мысль воспользоваться льдом, изобильно выросшим в морозилке опять барахлящего ЗИЛа.

Логично. Здраво.

Но есть маленький нюанс. Паша абсолютно не помнил подобный ход своих рассуждений. Более того, извлечение полнок из «Индезита» в его памяти никак не отложилось. Смутно вспоминалось, как лед сыпался из большой миски в ванну – но каким образом Шикунов пришел к такому решению, он теперь понятия не имел.

Плохи дела. Провалы в памяти – признак тревожный. Этак панические мысли о собственном сумасшествии, накатившие при виде опустевшей ванны, могут сбыться. Попробуем еще раз...

Он попробовал – медленно, шаг за шагом, восстанавливал последовательность своих действий в воскресное утро. Не помогло. Как сыпал лед в воду – помнил. Откуда его взял – нет.

Отчего-то Паша всегда считал, что может лишиться руки или ноги – мало ли в жизни случайностей – но уж мозг-то ему не откажет. Мозг – память, логика, эмоции – казался чем-то вечным, данным раз и навсегда, и должным до конца пребывать в неизменном виде... Сумасшествие – для других. Не для него. Оно реально, оно случается, – но никогда не случится с Пашей Шикуновым. Как, впрочем, и рак, и СПИД...

Теперь уверенность поколебалась.

Какой еще фрагмент мог напрочь выпасть из воспоминаний? Может, способ с высыпанным в воду льдом вдруг оказался Паше для суточного отсутствия не слишком действен-

ным? Может, он выудил тело, герметично запалял в пластиковый мешок и куда-нибудь запрятал? И обо всем напрочь забыл?

Он застонал и долгим глотком прикончил «Арарат». Так рассуждая, можно дойти до чего угодно. Возможен самый смелый полет фантазии. Без каких-либо ограничений.

Например, Шикунов за ночь изобрел и построил из подручных радиодеталей какой-нибудь дематериализатор органической материи. Распылил паскудницу Лющенко на молекулы-атомы, вновь разобрал агрегат на запчасти, – и обо всем благополучно позабыл. Бред. Бред Киркоровской кобылы...

Надо действовать спокойно и последовательно. Принять постулат, что труп квартиру не покидал. Обыскать всё – и тело где-нибудь да обнаружится. И тогда можно будет логично поразмыслить – как оно туда попало. Виноваты ли провалы в Пашиной памяти, или сыщется более конкретный и осязаемый виновник? Разберемся.

Итак, приступим.

ГЛАВА VIII. ЧТО ИМЕЕМ – НЕ ХРАНИМ, ПОТЕРЯВШИ – ПЛАЧЕМ

Тело бабушки обнаруживается рядом, в соседней комнате... Строго говоря, бабушка и там и здесь одновременно – тело в комнате, зато голова уже в прихожей, почти под умывальником.

А. Щеголев «Ночь навсегда»

1.

Лющенко и после смерти осталась редкостной гнидой. Упорно не желала обнаруживаться.

Нигде.

Под ванной ее не было. И в самодельном фанерном шкафу, прикрывавшем трубы в туалете, не было. И на антресолях тоже.

Больше в санузле и прихожей мест, способных укрыть труп, не оказалось. Но Паша, верный своему решению обыскивать всё, ничего не пропуская, заглянул даже в длинную низкую тумбочку для обуви. Даже порылся в груде свисавшей с вешалки одежды – вдруг да нашелся искусник, как-то прикрепил к стене Лющенко и задрапировал пальто-куртками?

Не нашлось таких умельцев.

Шикунов отправился в маленькую комнату, считавшуюся у них «детской». Начал с балкона. Заклеенную на зиму дверь пришлось с хрустом отдирать – хотя холода давным-давно миновали, руки за семейными баталиями не доходили. Только когда под ногами загрохотали пустые стеклянные банки, в изобилии заполнявшие балкон, – Паша сообразил, какой он идиот.

Дверь была заклеена! Пожелтевшая бумага, окаменевший клей... Но для очистки совести Шикунов осмотрел-таки балкон весьма дотошно. Как и следовало ожидать, безрезультатно.

Вернулся в детскую, стал искать там, – со странным двойственным чувством. С одной стороны, отыскать Люценко жизненно необходимо. С другой стороны не хотелось, чтобы она – мокрая и разлагающаяся – обнаружилась именно здесь.

Не хотел, чтобы она нашлась под двухъярусной кроватью, на которой совсем недавно спали Натусик и Пашка-младший (и, надеялся Паша, еще будут спать!); или в шкафу – где две полки до сих пор занимали их игрушки, пока не вывезенные Ларисой (как же там, у тещи, засыпает Натусик без своего любимого Хыськи?); даже просто на паркетном полу, по которому ступали детские ножки, гниде Люценко делать нечего.

Паша и прежде – когда Лариса ушла с детьми, а гнида еще была жива-здоровая, не пускал Люценко в детскую. Ну, не то чтобы повесил замок, но... Но как-то так получалось, что

они курсировали лишь между прихожей и спальней. В детскую не заходили...

Подспудное желание сбылось. Труп в детской не было. И Паша не понял – хорошо это или плохо.

2.

Вторая и последняя комната была больше площадью и куда гуще заставлена мебелью (Лариса всегда говорила, что для детской надо много воздуха и света). Соответственно, и мест, куда можно спрятать труп, – значительно больше.

Шикунов, собирая рубашкой пыль, вылез из-под шкафа. Хранившиеся там коробки отнюдь не маскировали тело Лющенко. Зато, выползая – когда лицо оказалось в считанных сантиметрах от паркета – он увидел...

Паша и сам поначалу не понял, что он увидел. Едва заметное, чуть белесоватое пятно на темном дереве. Довольно большое. Он скользнул по пятну равнодушным взглядом, змееобразными движениями выскальзывая из-под нависшего предмета мебелировки.

Потом как обожгло: именно такие следы оставались на паркете от влаги!

Но старым это пятно быть не могло никоим образом. Четыре дня назад Паша тщательно натер паркет мастикой – реализуя мысль навести идеальный порядок, а уж после звать Ларису и детей обратно...

Так-так...

Склонившись к полу, словно вынюхивающая дичь собака, Шикунов продолжил свои изыскания. И увидел второе пятно, точь-в-точь такое же, едва различимое, – на расстоянии человеческого шага. Потом третье. Потом четвертое. Следы вели в прихожую.

До прихожей Шикунов во время своей генеральной уборки четырехдневной давности добраться не успел – и пол покрывал легкий слой пыли. На нем след продолжился. Цепочка размытых, неясных отпечатков привела к ванной.

Паша понял всё и похолодел.

Он шел по следу в обратном направлении. А тот, кто прошагал тут до него, двигался из ванной в большую комнату...

Шикунов нагнулся, еще раз осмотрел отпечатки. Подметки любой обуви оставить такой отпечаток не смогли бы... Версия о воре-домушнике, тащившем труп, поползла по всем швам. И в самом деле, воры на дело босиком не ходят, разве что в желтой жаркой Африке... Хотя нет, нет... Босая влажная ступня на пыли тоже бы пропечаталась – пальцы, пятка. Если только... Если только...

Если только на босых ногах не было капроновых колготок, – закончил мысль в голове Шикунова чей-то чужой неприятный голос. Прозвучало это настолько реально, что Паша резко обернулся, – показалось, кто-то говорит за спиной, прямо в ухо... Никого...

Кошмар продолжался. Теперь в виде слуховых галлюци-

наций...

Хотя – почти всё стало понятным. Все неясности исчезли. Никто не вламывался в квартиру, никто тайком не изготавливал дубликаты ключей. Просто... Просто...

Просто Люценко не сдохла, – с ехидным торжеством закончил тот же голос.

И захихикал, повторяя на все лады, даже напевая:

Не сдохла?

Не сдохла!

Не сдохла, не сдохла, не сдохла!

Не сдохла-ла-ла-ла, ла-ла-ла!

3.

Не умерла...

Конечно же, она не умерла, такие сучки отличаются редкой живучестью. Потеряла сознание, и только. Паша ведь не прикладывал к губам зеркало, даже пульс не пытался обнаружить. Увидел красную лужицу, поползшую из-под головы – и подумал в панике: всё, капут.

А она была жива... Черт возьми, она всё время была жива... Впала в кому, или как там это у медиков называется. Хотя, может на короткие промежутки времени очухивалась. То-то ему слышались ночью легкий плеск и шепот...

Потом – этим чертовым льдом – Паша сам, сам привел ее в сознание! Да еще, дурак, не остался, не понаблюдал, по-

спешил в Александровскую, как последний идиот...

Шикунов застонал и горько пожалел, что коньяк кончился. Нежданное воскрешение – и, тем самым, избавление от роли убийцы отнюдь его не обрадовало. Если вдуматься, хрен редьки не слаще. Уж кто-кто, а Люценко приложит все усилия, чтобы засадить Пашу за покушение на убийство...

Так что ничего утешительного не произошло... Гнида сейчас наверняка сидит в казенном доме и катает заявление с самыми душераздирающими подробностями...

Стоп! Стоп!!! – закричал Паша. А может, и не закричал. Может, просто подумал. Звуки, звучавшие внутри, в мозгу, и вовне – каким странным образом переплелись и практически теперь не различались.

Стоп! – закричал-подумал он. – А кто сказал, что она жива? Кто видел ее оживший труп? Небошь, это я – Я! Я!! Я!!! – пробежал тут в носках. И всё. Больше ничего. Никаких чудесных воскрешений.

Он вернулся в комнату, остановился у большого трехстворчатого шкафа. Именно там обрывалась цепочка следов – у самых дверей. И – раньше Паша этого не замечал – между дверцами была щель. Неширокая, сантиметра два, не более.

Лариса не закрыла, – сказал-подумал Паша. И услышал – словно в ответ – чужой и мерзкий хохот, отдавшийся гулким эхом в резонирующем черепе.

Знакомый, уже слышанный сегодня голос посоветовал: а ты открой шкаф, открой, – и тут же увидишь, кто не за-

крыл за собой двери. И почему не закрыл. Внутри – ха-ха – дверных ручек нету! Открой, открой! Потяни за веревочку, дверца и откроется... Лющенко, Лющенко, зачем тебе такие большие зубы?!

ЗАТКНИСЬ!!! – рявкнул Паша на поганый голос. Наверное, все-таки вслух, потому что даже стекла задрезбуждали от вопля. А уши заложило. Но, может, и то, и другое лишь показалось.

Голос смолк.

Паша сделал несколько глотательных движений, пытаюсь избавиться от звона в ушах – помогло относительно. Протянул руку и стал отворять дверцу шкафа. Она ползла с душераздирающим скрипом – и отчего-то чудилось, что сквозь механический звук пробивается шипение: пло-х-х-х-хой мальчиш-ш-ш-ш-ка...

Трупа внутри не было. Ни воскресшего, ни мертвого. Никакого. Но...

Но почему все висящая на плечиках одежда сдвинута в одну сторону по идущей вдоль шкафа металлической перекладине? И почему изнутри пахнуло сыростью? Кто тут был? Был совсем недавно?

Паша стал торопливо ощупывать лежавшие внизу пакеты с какими-то шмотками. Действительно сырые? Или так показалось его ладони, разом вспотевшей?

Похоже, действительно сырые...

Проклятье! Значит, сучка жива! Оклемавшись, бродила

по квартире – услышала, как он звенит ключами в замке и забила в шкаф. А потом спокойненько ушла – когда Паша впал в беспамятство в ванной...

Идиот!!!

Надо было не устраивать истерику, а тут же обыскать квартиру! Вытащил бы гадину из шкафа, врезал бы по кумполу – и обратно в ванну! И – кислотой! Не хрен тут, умерла так умерла!

Ехидный голос тут же встрял:

Ты бы собрал вещички, пока время есть! Бельишко, то, сё... Только трусы в цветочек не бери. Говорят, любителей такого белья живо в камере рачком ставят...

Заткнись! – снова попытался гаркнуть на него Паша, но получилось как-то вяло. Неубедительно.

Ему стало страшно – и до ужаса жалко самого себя. Не будет больше ничего – ни Лариски, ни Натусика, ни Пашки-младшего, не будет того, о чем он мечтал, обманывая себя: всё, мол, вернется, всё наладится, всё пойдет как встарь и все будут счастливы...

Ничего не вернется. Ничего не наладится.

Та жизнь закончена. Взамен придет новая, гнусная и мерзкая.

Паша плакал. Без всхлипываний, без рыданий, вообще без каких-либо звуков – просто слезы катились и катились по щекам, а он не пытался их вытереть...

ГЛАВА IX. ТОП, ТОП – ТОПАЕТ МЕРТВЕЦ

*Сзади кто-то сопел, и он обернулся – увидел
оскаленную Жанну....*

А. Щеголев «Ночь, придуманная кем-то»

1.

Он неподвижно лежал в большой комнате, на диване. На спине, лицом вверх, скрестив руки на груди: ни дать, ни взять – покойник. Правда, покойникам опускают веки – а Паша упорно глядел в потолок. Изучал на нем каждое пятнышко, каждую трещинку. Он раньше и понятия не имел, как это здорово: лежать в собственной квартире, на собственном диване, и смотреть на собственный потолок. Ничего не делать, ни о чем не думать. Просто лежать и смотреть.

Сколько ему еще осталось такого счастья? Час? Больше? Не важно. Все равно приедут – и очень долго Шикунов сможет изучать лишь чужие потолки... Казенные и отвратительные...

А вот металлическую дверь он им не откроет. Дудки. Пусть помучаются, вскрывая... Или не имеют права без ордера? Черт их знает, какие там у них сейчас права... Пле-

вать...

Алкогольное возбуждение прошло. Пашу охватил приступ апатии. Действуя по уму, за час можно успеть весьма многое. Для начала – слить в канализацию проклятую кислоту и избавиться от пустых емкостей. Затем выстроить свою версию случившегося – в конце концов, кроме слов Лющенко, никаких улик против Паши нет (не считая шеренги кислотных бутылей, предательски выстроившихся в прихожей). Мало ли где она могла головой приложиться... Наконец, можно попытаться дозвониться до юридической консультации по уголовным делам – и обзавестись адвокатом.

Ничего подобного Паша не делал. Лежал и смотрел в потолок. Миновавший уик-энд, как безжалостный вампир, выпил все силы, все мысли, все желания... Не хотелось ничего. Вспыхни сейчас под ним диван – Шикунов, скорее всего, не пошевелился бы.

Наступил вечер, но за окном не наблюдалось даже намека на сумерки – белые ночи приближались к своему апогею.

Ночь оживших мертвецов, подумал он без проблеска эмоций. Ночь ожившей Лющенко. Ведь учат же дураков опытные люди: всегда надо делать контрольный выстрел в голову. Контрольным молотком по голове тоже неплохо...

Сожалений, впрочем, у Паши не было. Не было вообще ничего. Пустота. Летаргия. Ему казалось, что если даже возникнет у него желание что-то сделать – ни рукой, ни ногой шевельнуть не получится... Паралич. Паралич всего: мышц,

воли, мыслей...

Но тут раздался звук, мигом согнавший с него сонное ощущение. Совсем рядом – в ванной? точно в ванной! – что-то шумно заворчалось и заплескалось.

Паша как-то мгновенно перешел в вертикальное положение. Не вставал, не вскакивал с дивана: только что лежал пластом – и тут же оказался на середине комнаты, напряженно вслушиваясь. Потом торопливо пошел к источнику звука.

Свет в ванной горел, дверь была распахнута и синяя занавеска отдернута.

Сам оставил именно так? Не важно... Теперь совершенно неважно. Важным показалось другое: поверхность воды в ванне до сих пор будоражили небольшие волны – стихающие. И никакими колебаниями воздуха это было не объяснить.

Хотелось закричать, и он уже широко разинул рот – но крик не получился. Губы немо схлопнулись.

Поверхность воды меж тем успокоилась. Стало видно старое, чуть пожелтевшее дно ванны, покрытое паутиной мелких трещинок. И Шикунов увидел – там, на дне – что-то маленькое. Что-то поблескивающее.

Зуб, золотой зуб, подумал он без всякого удивления. Это могла быть вовсе и не коронка, а, что вероятнее, сережка или кольцо, – но Паша не стал доставать и рассматривать.

А может, достал и рассмотрел, – потому что в событиях вновь случился какой-то провал, Шикунов неожиданно осо-

знал, что громит – да-да, именно громит – собственную комнату, в которой недавно возлежал на диване в позе трупа.

Сервант валялся на боку – вокруг груды стеклянных и фарфоровых осколков. Дверцы всех шкафов распахнуты, вещи вывалены на пол. Книги стояли на своих местах, в полках, – но прикрывавшие их стекла оказались разбиты все до единого.

Он застыл, не понимая: что и зачем делает?

Ищет Люценко? Затаившуюся между книжек?

Я сошел с ума, констатировал Шикунов уже второй раз за сегодняшний день, глядя на свою ладонь, по которой отчего-то струилась кровь. Ничего не было, сказал он себе. Ничего. Ни звуков, ни взбаламученной воды, ни золотой побрякушки на дне... Глюки, банальные глюки. Надо успокоиться, надо держать себя в руках...

Он попытался – но тело нагло бунтовало, телу требовалось что-то ломать и крушить. Кровь кипела адреналином, сердце стучало бешено, пульс – тук-тук-тук – отдавался в ушах громкими шлепками...

Паша замер. Это не пульс в ушах, нет. Это ноги, босые мокрые ноги, по полу, быстро – шлеп-шлеп-шлеп... Проклятая сука, вот кто это. Никуда не ушла. Затеяла игру в прятки. Ладно, сыграем. Проигравшего – в ванну с кислотой. Раз, два, три, четыре, пять – я иду тебя искать!

Тяжеленный графин с высоким узким горлом валялся под ногами – выпал из серванта, но толстый хрусталь выдержал,

не раскололся. Шикунов схватил его, пятная кровью из рас-сеченной – когда? обо что? – ладони. И неторопливо дви-нулся туда, где смолкло шлепанье... Кто не спрятался – я не виноват.

В кухне – никого. В детской – никого. Он сунулся было в туалет – снова услышал «шлеп-шлеп-шлеп», за спиной, в большой комнате... Бросился туда, в прихожей что-то под-вернулось под ногу – маленькое, верткое. Паша не успел по-нять, что это было – растянулся во весь рост, больно ударив-шись коленом. Вскочил и заковылял в большую комнату – игра заканчивается, теперь сука не уйдет, никуда не денется – на тридцати метрах жилой площади долго в прятки не по-играешь...

НИКОГО.

Никого в большой комнате не оказалось. Графин был уже занесен для удара – и Паша в бессильной ненависти саданул по шкафу – выпотрошенному, с распахнутыми дверцами. На полированном дереве осталась глубокая вмятина. Хрусталь снова выдержал.

Штора у окна чуть дернулась. Паша – мгновенно, слов-но телепортировавшись через разгромленную комнату – ока-зался возле нее. Рванул – никого. Штора рухнула вместе с карнизом. Шикунов взвыл и вмазал графином по оконному стеклу. Звон, ливень осколков... Он смотрел на окровавлен-ное горлышко графина, стиснутое пальцами. Странно, но те-перь толстый хрусталь раскололся – ровно-ровно, словно об-

резанный стеклорезом. Паша попытался отбросить остаток оружия – пальцы не слушались, не желали разжиматься. Рука казалась чужой, казалась искусной имитацией, конечно-стью воскового манекена – только из воска отчего-то сочилась кровь.

И тут раздался голос. Шипящий и в тоже время немного побулькивающий; странное сочетание, но именно так и прозвучало услышанное Пашей – словно шипение выходящего из баллона газа наложилось на звуки, издаваемые неисправным водопроводным краном, – и родились слова:

– Ш-ш-шикуноф-ф-ф-ф... Пло-х-х-х-хой мальчиш-ш-ш-ш-ка...

2.

Потом снова случился провал. Обрыв пленки. Шикунув вдруг обнаружил себя в детской – пригнувшись, стоял в засаде за двухъярусной кроваткой, рука стискивала молоток. Как, когда там оказался? – совершенно не помнил.

Но теперь способность думать и осознавать свои действия вернулась – относительная, как и всё сегодня.

В квартире царила тишина – натянутая, звенящая, как на пороховом складе за секунду до взрыва. Люценко затихла, где-то затаилась...

НО ГДЕ?

Не было в квартире-двушке мест, способных ее спрятать.

Вернее, были, но Паша осмотрел их дотошно и внимательно. Галлюцинации? Слуховые галлюцинации?

А кто оставил тогда следы мокрых ног на полу? Кто сидел в шкафу, сдвинув в сторону плечики с одеждой? Куда подевалось тело, наконец?

Галлюцинации – это, надо понимать, когда мерещится то, чего на самом деле нет. Определение, может, не научное, но по сути верное. Но если то, чему быть на месте полагается (в данном случае труп) напрочь отсутствует – то никакими галлюцинациями сей факт не объяснить.

Но должно же существовать рациональное и простое объяснение всей чертовщины! Должно!

Шикунов в который раз попытался призвать на помощь логику (не покидая место засады и не выпуская молотка).

Итак:

Допустим, Лющенко действительно выжила – очнулась и ушла. Такой вариант куда вероятнее, чем тот, что она почти сутки просидела в пустой квартире, понятия не имея, когда вернется Шикунов, – для того лишь, чтобы затеять с ним прятки-пугалки. А теперь вопрос: неужто эта сука ушла бы так, тихо и мирно, по-английски? Да ни в жизни. Если бы даже не подожгла квартиру, то погром бы устроила тот еще. Изгадила бы всё, что смогла, времени у нее хватало.

Однако – ни следочка.

Значит, задумала нечто более гнусное и утонченное. Например, свести Пашу с ума... Легко. Исчезновение трупа –

уже удар по психике. А тут еще эти звуки...

Словно эхо его мыслям, вновь раздался – из кухни? – свистяще-булькающий шепот:

– Ш-ш-шикуноф-ф-ф-ф... Ш-ш-шикуноф-ф-ф-ф...

Но Пашу уже было не сбить с правильного пути. Разгадка сверкнула мгновенно, как вспышка выстрела во мраке.

Музыкальный центр! Его собственный музыкальный центр! Плюс кассета, записанная воскресшей Люценко, – и запущенная в режиме нон-стоп....

Паша засмеялся. Веселым смех отнюдь не был, скорее напоминая воронье карканье.

– Ш-ш-шикуноф-ф-ф-ф... – призывно шептала самсунговская электроника. И, фоном, мокрые ступни: шлеп-шлеп-шлеп...

Он, всё еще хрипло смеясь, вышел из засады. Небрежно отбросил молоток и пошагал на кухню, тяжело переставляя ноги, – выключить поганую запись. Чтобы, наконец, заняться делом. Вылить для начала запасы кислоты...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.